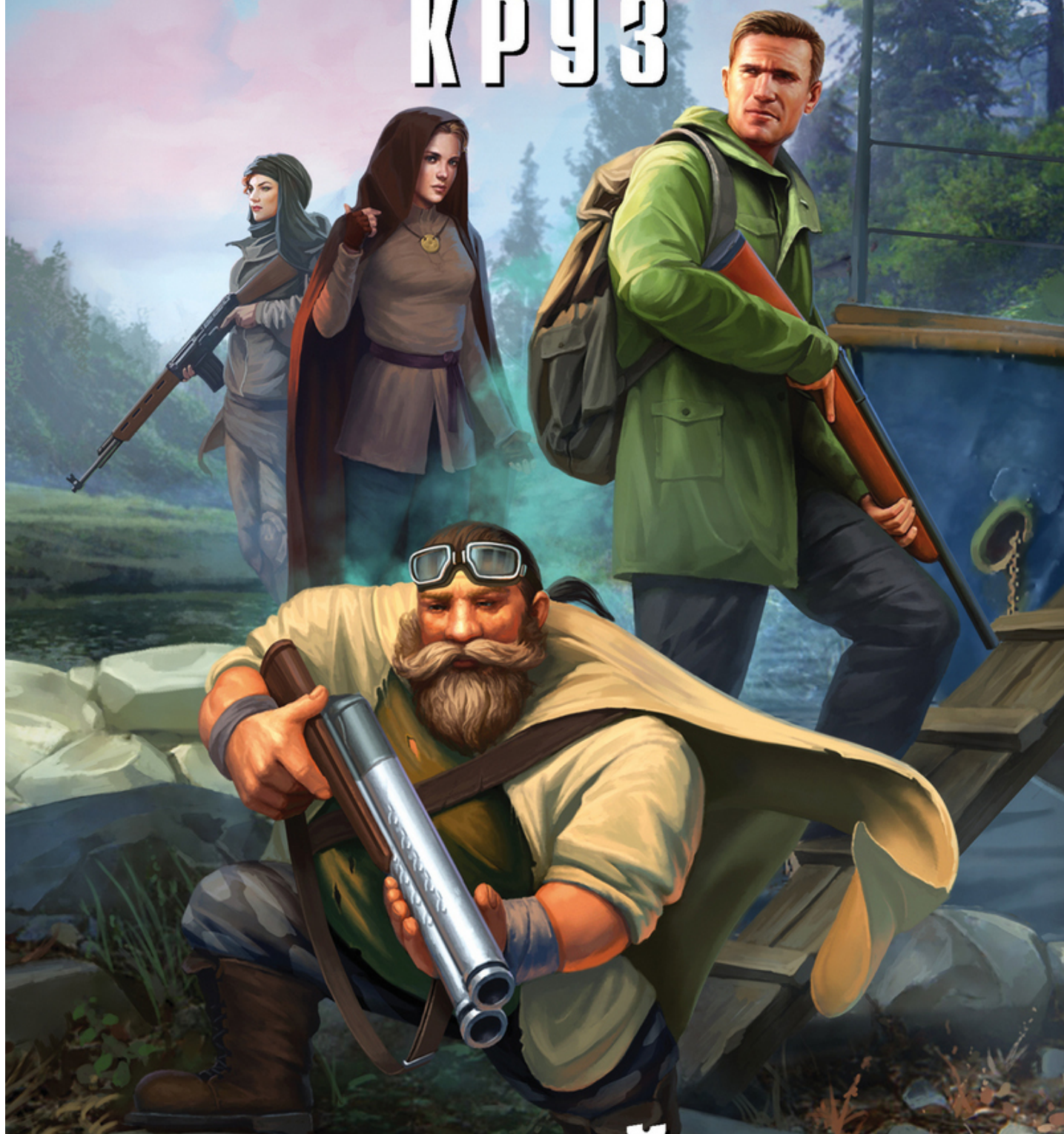

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей КРУЗ

У ВЕЛИКОЙ РЕКИ БИТВА

У Великой реки

Андрей Круз

У Великой реки. Битва

«ЭКСМО»

2009

Круз А.

У Великой реки. Битва / А. Круз — «Эксмо», 2009 — (У
Великой реки)

ISBN 978-5-9922-0908-2

Если уж влип в историю, надо все же участвовать в ней до конца.
И лицо сохранить, и вообще интересно самому, куда судьба приведет,
да и компенсировать понесенные расходы желательно. И с такой вот
прозаической мотивацией бывший драгунский унтер, а ныне охотник
на нечисть, нежить и прочих вредных тварей Александр Волков с новыми
друзьями идет до конца в своем невероятном путешествии.

ISBN 978-5-9922-0908-2

© Круз А., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог,	5
Глава 1,	7
Глава 2,	10
Глава 3,	25
Глава 4,	32
Глава 5,	54
Глава 6,	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Круз У Великой реки. Битва

Пролог, который даже не Пролог, а – так, разговор в сумерках в гостиничном номере¹

- Как думаешь, Лари² найдется?
- Найдется наверняка. Она же не человек. Кто с тифлингом справится так запросто?
 - А с гномами что? Найдут своих?
 - Ну откуда я знаю, Маш? В городе еще стреляют, сама слышишь, – может, и они уцелели.
 - Ты уверен, что тебе сегодня надо туда идти?
 - Ну а сама как думаешь? Дадут они нам в форт прорваться, если мы их первые не почи- каем?
 - Не дадут.
 - Ну вот, сама знаешь, а спрашиваешь.
 - А мне интересно, что ты думаешь.
 - Узнала, что думаю?
 - Узнала. Но вы там осторожно, хорошо?
 - А куда же мы денемся? Только осторожно и можно.
 - Странно получилось.
 - Что – странно?
 - Приехали сюда просто поговорить,³ а попали на войну.
 - Ну это еще не война, это пока больше на бандитский налет похоже.
 - А когда сипаи⁴ подойдут, тогда что будет?

¹ Беседа главных героев – лицензированного охотника на нечисть Александра Волкова и молодой симпатичной колдуньи Маши, которые разыскивали мерзкого колдуна Пантелея, похитившего Машину сестру Настю, а попали в городе-форте Пограничном в самое пекло войны и вынуждены отсиживаться в гостинице, вместе с кучкой верных друзей отстреливаясь от агрессивных аборигенов, которыми неизвестно кто руководит.

² *Лари* – женщина-тифлинг, тифлингесса, получеловек-полудемон, с которой Волков расстался до начала заварухи, а теперь, естественно, потеряли следы. Тифлинги – немногочисленное племя, возникшее из редких потомков людей и демонов (инкубов и суккубов), и отличительной особенностью Лари являются исключительно привлекательная внешность и небольшие рожки на голове, которые она старательно прячет под тюрбаном.

³ Волков, Маша и Лари приехали на грузовике Волкова в Пограничный, чтобы выяснить на местном военном аэродроме, летал ли кто-то над Дурным болотом, чтобы сбросить в его дебри «маяк», по которому потом некие мощные колдуны выстроили портал в самое неприступное место Земли. Ради того чтобы перед ним открывались все двери, Волков обзавелся серьезными документами, согласно которым он действует от имени Тверской контрразведки.

⁴ Воинские части армии Тверского княжества, состоящие исключительно из аборигенов. «Сипаи» – слово, пришедшее из старого мира и обозначающее британские колониальные войска в Индии. В Великоречье оно прижилось и стало собирательным для всех пехотных частей, набранных из аборигенов. Не изменившись, слово было перенято туземными языками и диалектами. Кроме слова «сипаи» также прижился термин «зуавы», обозначающее колониальную кавалерию, и «гурки». Впрочем, зная ненадежность аборигенов, правительства Новых княжеств (государств пришлых людей) стараются вооружить «местные» войска похуже, чем те, что состоят исключительно из пришлого населения. Так не только в Тверском княжестве, а во всем Великоречье. Великоречье – можно сказать, Поволжье, хотя это будет не совсем правильно. Потому что двести лет назад состоялось так называемое Пересечение миров, или Пересечение сфер, благодаря которому значительная часть земного мира начала XXI века «провалилась» в XIII век, но оказалась там не сама по себе (население), а вместе с ландшафтом – как природным, так и рукотворным, – городами, заводами и т. д. Река Волга слилась с рекой прошлого Итилем и образовала единую реку Великую – настолько мощную и протяженную, что местоположение, скажем, Астрахани сдвинулось почти до экватора, а Великая стала впадать не в Каспий, а в Южный океан. И так далее. Дурные же болота образовались в точках нестыковки двух миров, и именно оттуда Землю непрерывно заполняла всевозможная нечисть и нежить, с которой как раз успешно борется охотник Александр Волков.

- Тогда уже война, верно.
- Кстати, темновато становится. Хочешь, свет зажгу?
- Не надо, пальнет сюда кто-нибудь на свет. Чуть занавески раздвинь,⁵ уже можно. Только сама к окну не подходи.
- Да без проблем...

⁵ Маша хоть и молодая, но мощная колдунья, и потому раздвинуть занавески, находясь на приличном от них расстоянии, – это для нее семечки.

Глава 1, в которой Маша сталкивается со Злом в чистом виде, а герой работает за снайпера

Оставшееся до темноты время я просидел за своей баррикадой из мебели, разглядывая окна напротив в бинокль. Стрельба почти затихла с обеих сторон. Противник на рожон не лез, и защитники форта тоже не собирались тратить боеприпасы впустую. А вот в городке постреливали до сих пор. То тут, то там слышались короткие, но яростные перестрелки, местами что-то горело, в небо поднимались дымные столбы. К счастью для города, погода была безветренная, а то вообще все пожарами было бы охвачено.

Волшебники противника больше нигде сидеть не могли, кроме как в трактире. Волшебство – вещь недалёбойная: если удастся откидывать гранаты, то делать это можно почти из того места, куда они летят. Но пока ничего заметить не удалось. Я даже рассадил за другими окнами Полухина с женой и гнома «без салфетки», откликавшегося на самое распространенное гномье имя Балин, по количеству имевшихся в нашем распоряжении биноклей, чтобы они тоже высматривали людей в черных клобуках.

Когда дверь у меня за спиной тихо приоткрылась, я услышал уже знакомое сопение, а затем голос Орри Кулака просипел:

– Телефон протянули. Есть связь с фортом.

– Кто на телефоне? – оживился я.

– Поручик и Рарри.

– Хорошо. Погодь минутку, – попросил я своего нового приятеля и обратился к Маше: – Сможешь магическую активность засечь?

– В смысле где колдуны узнать? – обернулась ко мне Маша, рывшаяся в это время в своем рюкзаке.

Вид у нее был нервный и заметно подавленный. На нее не похоже вовсе, вообще она была скорее склонна к необдуманному оптимизму и легкомыслию, чем к депрессиям.

– Ну да, – кивнул я.

– Если их вынудить всерьез защищаться, то смогу.

– А как они узнают, что в них стрелять начали?

– Думаю, сторожок у них висит. – Она описала пальцем в воздухе чуть засветившийся кружок. – Вроде астрального глаза. И одно заклинание отражения, которое срабатывает буквально от движения пальца. А дальше они должны высунуться из укрытий и продолжать отбивать гранаты заклятиями.

– А сил у них откуда столько?

– Мне кажется, они там жертвы приносят. – Она зябко обхватила себя за плечи, тонкие пальцы с нежными розовыми ногтями дрожали. – Человеческие. Я чувствую. И мне поэтому плохо. Пусть с них в *Вираце*⁶ и дальше кожу сдирают, мне не жалко.

Это все объясняет. Окончательно. Орден Созерцающих⁷ был образован несколькими слабыми колдунами, жаждавшими стать сильными колдунами, которые накачивали огромные

⁶ *Вирацкое баронство* – незначительная по размерам территория с населением около пятидесяти тысяч человек, управляемая династией аборигенов. Баронство существует в основном за счет торговли с Тверским княжеством, с которым граничит по реке Улару. Знаменито тем, что оттуда родом две самые известные в Великоречье династии колдунов – Бэрах и ас-Пайор.

⁷ *Орден Созерцающих* – запрещенный по всему Великоречью чародейский монашеский орден поклоняющихся богине Кали – богине Смерти и Ужаса. Причина – принесение членами ордена человеческих жертв богине. Впрочем, в Великоречье имеются и места, где нет никакой власти и где Созерцающие вполне могут найти себе пристанище. К примеру, в вольном городе Гуляйполе, где власть поделена между бандами, во главе каждой из которых стоит один главный бандит – «смотрящий».

количества Силы в амулеты-аккумуляторы, используя единственный доступный им метод ее получения – человеческие жертвоприношения с мучительством. За что, естественно, были прокляты служителями всех богов, кроме Кали, и запрещены во всех землях, как и иные культы Кали.

Это же объясняет и депрессию Маши. Она одна чувствует зло, исходящее от проводимых в зданиях напротив обрядов. Мне такого не учуять. Чувствую какие-то волны Силы, но думал, что это от магической защиты. Я даже светлое волшебство от темного отличать не умею – только саму магию чувствую. А Маша – волшебница, от тьмы далекая. В принципе светлых и темных магов нет, за исключением патологий. Тот же Васька-некромант – какой же он, к демонам, темный? Добрейшей души мужик, слова дурного о нем никто не скажет, кроме девок брошенных. Разве он темный? Просто талант у него прорезался в такой вот темной области, а уж как ее повернуть – во зло людям, или во благо – это ему решать.

Созерцающие же обратились к крайнему злу. К тому, – служение которому ведет к дальним планам нижних миров, которое извращает человеческую суть и обращает ее в нечто, чего не должно существовать в мире подлунном. К абсолютному злу. И немногие из тех, кто может это зло чувствовать, способны его перенести. Вот и Маша страдает.

– Орри, – повернулся я к стоящему в дверях гному, – пусть свяжутся с фортом и попросят выпустить по трактиру с гостиницей еще с десятков гранат. Понял?

– Не дурак, – кивнул гном и направился в коридор.

– Орри! – окликнула его Маша. – Пусть часто не стреляют, примерно по одной гранате в минуту, хорошо?

– Скажем! – прогудел тот, и его тяжелые шаги удалились по коридору к лестнице.

А я вновь приник к биноклю. Колдуны колдунами, но есть вероятность, что после пуска первых гранат проявят себя снайперы. Это их работа – выбивать гранатометные и пулеметные расчеты, так что, может, мне и удастся перехватить еще одного и вышибить ему мозги, как тому, что застрелил мужика с СВД.⁸ Пусть тот и дурак, а все равно жалко.

– Ладно, я делом займусь, – сказала Маша, усаживаясь по-восточному на пятки посреди комнаты, и, сведя ладони перед грудью – как она сделала во время ночевки в лесу, – стала составлять сторожевое заклятие.

Вокруг нее незримо закрутился прохладный и легкий вихрь Силы, совсем-совсем воздушный, невесомый, как все ее волшебство в моих ощущениях. Мне даже казалось, что вся волшба несет отпечаток ее собственной души – светлой, чистой, открытой. Нравилась мне ее волшба, короче.

Вскоре со стены форта выстрелил первый гранатомет. Мне удалось разглядеть, как по пути к цели граната вдруг по крутой дуге сменила направление и улетела вправо и вверх, исчезнув из поля зрения. Вскоре где-то вдалеке раздался взрыв.

От Маши отделился сгусток Силы, словно закапсулированный в самом себе, и поплыл, плавно и быстро прямо сквозь бревенчатую стену в сторону трактира «Отставной К. барабанщик». А я опять припал к окулярам бинокля. Есть какое-то шевеление на первом этаже трактира, но скрыто оно от меня простенком. Может, колдуны, а может быть, и просто стрелки, среагировавшие на выстрел. Пошарил по тем окнам, которые удавалось разглядеть сквозь приоткрытую занавеску. Пока никого.

⁸ СВД – изначально это снайперская винтовка Драгунова, но в Великоречье расшифровывается как «самозарядная винтовка Драгунова», выпускается Нижегородским арсеналом. Существуют три модификации винтовки: СВД – обычная снайперская, со стволом 62 см, прикладом скелетной конструкции со щекой, СВД-С – укороченная, со стволом 52 см и складным каркасным прикладом, и СВД-П – самая простая версия, со стволом 52 см и деревянным прикладом, чаще всего даже без базы под оптику. Калибр 7,62x54 мм с закраиной, магазина на 10 и 20 патронов. Многие гномы мастерские производят для снайперской версии стволы матчевого класса, повышающие кучность.

От Маши тянулась нить Силы куда-то в ту сторону, но очень тоненькая, сторожкая. Она не хотела привлечь хоть чье-нибудь внимание к своей волшбе. Хотела прокрасться туда невидимым духом, призраком.

Еще выстрел гранатомета – и шевеление в окне. Но не в трактире, а опять на чердаке одного из домов – метров семьсот до него. Чего теперь выглядывать, ежу тут все понятно. Я приложился к тяжелой «секире», навел на подозрительное окно. Так и есть. Если первый снайпер, убивший человека в нашей гостинице, был умным, прятался далеко и хорошо, то второй был дилетантом вроде нашего убитого. Вооружен «маузером»⁹ с хорошим прицелом. А ведь может дел натворить. Пусть как снайпер он и дурак, но как стрелок может оказаться хорошим. Не надо нам этого.

Я прицелился на ладонь выше его головы и нажал на спуск. Грохнуло, пыхнуло огнем, ударило тяжко в плечо. Замелькало, закачалось изображение в прицеле, а когда я опять навел ею в окно, то увидел лишь брызги красного на раме и руку, свесившуюся наружу, в камуфляжном рукаве.

А Маша даже не шевельнулась, отстранившись в своем трансе от этого мира. Придет потом в себя, а в ушах звенит. Нехорошо получается.

Опять ударил гранатомет со стены – и опять всплеск Силы. Взрыва тоже не было, но я сам почувствовал заклинание противника. Маша чуть шевельнулась, я снова зашарил прицелом по окнам. Появится ли кто? Нет, никого не видно.

Опять выстрел – и в глубине окна на втором этаже мелькнула лысая голова над черным откинутым назад капюшоном. Человек развел в стороны ладони, как будто отдергивая занавески, и закинул голову назад – так, что натянулась кожа на кадыке, вызывая желание полоснуть по шее ножом. Но ножом тянуться было далеко, а пулей... И я вновь утопил спусковой крючок. И опять все исчезло в прицеле, грохот ударил по стенам, а отразившись от них – мне по ушам. Когда картинка вернулась, я увидел лишь огромное красное пятно в половину стены – и никого делающего жесты руками.

– Получил, свинья болотная! – аж взвизгнул я от радости. – Эх, не видит никто, тысяча золотом ведь за тебя от «Камеры знаний».¹⁰

Затем я мысленно прибавил еще трех его коллег, которых вывел сегодня в расход в «Водаре Великом»,¹¹ и пожалел, что не видать за них премии. Разбогател бы ведь.

⁹ «Маузер» – имеется в виду местное оружие, построенное скорее «по мотивам» классического пистолета системы Маузера 1896 года. Того самого, что знаком всем по фильмам про Гражданскую войну. Когда в Великоречье появилась потребность в пистолетах под мощный патрон, был разработан самый мощный из имеющихся – 10х28 мм, с вытянутой остроконечной тяжелой пулей. Габариты патрона не позволяли располагать его в рукоятке, делая ее очень неудобной. И тогда вспомнили о конструкции этого знаменитого в прошлом оружия, в котором магазин находится перед спусковым крючком. Переработали творчески, усилили, добавили затворную задержку, да и про эргономику вспомнили. В результате получили очень мощный и тяжелый пистолет с приставными магазинами на 10 и 18 патронов, продающийся в комплекте с двумя стволами – 180 мм и 320 мм. С длинным стволом, с установленным прикладом, съемной тактической передней рукояткой и прилагающимся оптическим прицелом кратностью х2, пистолет показывает великолепные результаты по кучности на дистанциях до 200 м, что делает его скорее мини-карабином. Многие офицеры различных армий, кому по штату положен пистолет, заменяют его на «маузер». Большой плюс этого пистолета в том, что к нему существуют дозвуковые патроны 10х28 мм с очень тяжелой пулей с закаленным сердечником. И в комплект поставки может входить глушитель, так что на расстояниях метров до 150–200 удастся получить достаточно мощное и точное оружие. В такой версии он очень популярен у разведподразделений, а относительная компактность оружия позволяет пользоваться им как дополнительным. Еще одним достоинством этого пистолета стала его легальность ношения, так как в большинстве княжеств постоянно носить винтовку запрещено. А так получается, что на боку висит вполне разрешенный пистолет, который при примыкании кобуры-приклада превращается в карабин.

¹⁰ «Камера знаний» – так именуется контрразведка в Вираце, возглавляемая ас-Орманом.

¹¹ «Водар Великий» – трактир в Пограничном, названный в честь Водара Великого, предка барона Вираца. Именно с этого трактира начался захват Пограничного силами бандитов под управлением Созерцающих.

Глава 2, в которой герой убеждается, что огнем, гранатой и магией можно добиться большего, чем просто магией

– А скажи ты мне вот что... – задумчиво сказал я, глядя на Машу, когда уже почти совсем стемнело. – То самое сторожевое заклятие, – что ты в лесу тогда вешала... ты ведь его сама изобрела? Так?

– Так, – кивнула колдунья, не понимая пока, к чему я клоню.

Она сидела на полу, попивая чай с травками, который принесла ей заботливая управительница гостиницы. Колдунье надо было восстанавливать силы, потраченные на обнаружение колдунов из ордена Созерцающих. Нашла она их в «Барабане», на втором этаже – обоих в правом крыле, в соседних комнатах.

– Можно понять, глядя со стороны, что это за заклятие?

– Нет, не думаю.

Она пристально глянула на меня, пытаясь сообразить, что же такое я теперь придумал.

– Если кто-то увидит и услышит твоих светляков, он может подумать, что это какое-то боевое заклятие? – продолжал я тянуть кота за хвост.

Маша кивнула:

– Естественно, может. Оно, по большому счету, и есть боевое. Просто добавила к нему еще и сторожевые функции. А что?

– Да вот есть одна идея у меня, как нам скрытно подобраться к «Барабану». При помощи как раз этого самого охранного заклинания: очень уж оно выглядело эффектно.

– Ну-ну, излагай... – заинтересовалась она.

Я быстро разобрал «секиру»¹² и убрал все части в чехол. Уже стемнело, со снайперкой, да еще такой тяжелой, много не навоюешь, а вообще у нас совсем другие планы. Лучше уж собрать вещички, чтобы потом можно было быстро смыться. Затем выщелкал патроны из магазинов к роскошному трофейному «аспиду»¹³ и не торопясь набил их в пустые магазины к своему «кольту».¹⁴ Лучше всегда привычным оружием пользоваться. Попутно изложил Маше свою идею. Та подумала минутку, затем сказала:

– Не вижу ничего невероятного. Сделать я это все могу, и может сработать, почему бы нет? Достаточно нахально, по крайней мере.

– На это и расчет, – кивнул я. – Если не выйдет, придется нам, кто уцелеет, в этой гостиничке от всей толпы восставших сипаев отбиваться. Плохая идея.

¹² «Секира», а точнее – «Секира Дьюрина» – крупнокалиберная (12,7 мм) однозарядная винтовка максимально надежной и простой конструкции, компоновки «булл пап», выпускаемая гномами в Серых горах. Штучная работа с тщательнейшей подгонкой всех частей, с амортизирующим прикладом с гидравлическим демпфером. Конструкция затвора позаимствована у винтовки «маузер», с соответствующим усилением.

¹³ «Аспид» – пистолет производства Царицынского арсенала, построен на основе известного чехословацкого пистолета CZ-75, но рассчитан на мощный патрон 10x23 мм. Выпускается в вариантах «военный» – со стволом 120 мм и 13-зарядным магазином, «целевой» – такой же, как и «военный», но на удлиненной раме с компенсатором отдачи в ее приливе, «полицейский» – с таким же 13-зарядным магазином, но со стволом 110 мм, а также в варианте «компакт» – со стволом 90 мм и 10-зарядным магазином в укороченной рукоятке. В комплекте к «компактной» модели можно купить удлиненный ствол с резьбой под установку прибора бесшумной и беспламенной стрельбы.

¹⁴ «Кольт» – почти точная копия знаменитого американского пистолета «Кольт М1911А1», производящаяся на Тверском княжеском арсенале (ТКА), только емкость магазина армейской модели увеличена на один патрон. Конструкция выбрана из-за своей надежности, эргономичности и крупнокалиберного боеприпаса «.45 АСР» с высоким останавливающим действием. Пистолет выпускается в трех вариантах: военном – со стволом 130 мм, полицейском – со стволом 105 мм и компактном – со стволом 95 мм. Возможно использование калибров: 10x23 мм (9 патронов в армейской модели и 8 в полицейской и компактной) и «.45 АСР» (8 патронов в армейской версии и 7 в полицейской и компактной).

– Плохая, – согласилась моя спутница.

Дверь в комнату распахнулась, и в нее заглянула бородатая морда Орри с шоферскими очками на лбу.

– Ну что, готов? – спросил гном.

Я глянул на часы. Полночь, как и договаривались. Четыре машины на стоянке и как раз четыре гнома, сведущих в шоферском деле, у нас есть. Впрочем, сначала они все на одну машину понадобятся – мою. Потому что для скрытной вылазки они не очень подходят – пусть уж лучше за руль садятся. Осталось только еще раз проверить, с кем на вылазку пойду.

Снял с ремня свой незаменимый «сорок четвертый»¹⁵ и убрал его в чехол со снайперской. Сегодня работа не для него. «Кольт» сунул на привычное место под мышку, а сам забрал у Маши «маузер» и заменил его длиннющим трофейным «чеканом»,¹⁶ благо он тоже с прикладом. Ей все равно стрелять не придется, а если и придется, то револьвер ничуть не хуже будет. А я вот как сделаю... Открыл футляр от этого пистолета, достал оттуда длинную и толстую трубу глушителя, наvertsел ее на ствол. И вогнал магазин с дозвуковыми патронами с тяжелыми остроконечными пулями чуть не по двадцать граммов весом, с закаленными сердечниками. Дело у нас ночное впереди, так что самое то что надо оружие.

Даже карабин брат не стал – налегке пойду. Или он не понадобится ввиду смерти потребителя, или там подберу. Если дойдем, то будет целый ворох карабинов. Выскользнул в коридор, спустился по лестнице. Там уже все собрались под командой поручика. Он сам, оба мужика с винтовками, сидевшие на первом этаже, тот, которого я увидел на лестнице второго этажа вместе со снайпером-неудачником, и однорукий Полухин с пистолетом. Немного нас, прямо скажем. Злодеев в «Отставном К. барабанщике» побольше будет, чем нас, и это не считая двоих уцелевших Созерцающих, которые наверняка тоже там. И это если скрытно от нас их коллеги не подтянулись из города. Сколько их тут было? Вот вопрос вопросов.

Троих я застрелил в «Водаре Великом», когда они такой подлости от меня никак не ожидали, затем еще одного подловил выстрелом из «секиры» в «Барабане». Двое остались. А сколько их вообще могло прийти в город? Орден Созерцающих немногочислен, это вам не туги-душители, поклоняющиеся той же богине, но которые просто бандиты со склонностью к принесению человеческих жертв. Туги просто озверелые фанатики, а Созерцающие, как ни крути, чародеи. Шестеро в одном месте и то много. Даже с избытком. Хотя, по слухам, безобразиями тугов именно они, Созерцающие, и верховодят.

– Ну что, готовы все? – негромко спросил я.

– Все. А нам что делать?

Похожий на маршала Буденного, хозяин гостиницы в компании домоправительницы и жены Полухина стоял у лестницы.

– Идите в мою комнату, защищайте колдунью, – сказал я им. – Если что не так – спасайте ее как хотите. Она наша единственная надежда. Когда будем смываться – тащите ее в машину, может так оказаться, что сил даже на ходьбу у нее не останется.

¹⁵ «Сорок четвертый» «SMITH & WESSON Model 29» – классический американский револьвер могучего калибра «.44 Ремингтон Магнум», мощное и надежное оружие. Без всяких изменений эта модель производится в Великоречье Царицынским арсеналом в нескольких версиях, отличающихся длиной стволов (64, 102, 152, 210 и 340 мм, причем к последней модели прилагается съемный каркасный приклад) и формами рукоятки. Герой иногда называет его просто «Смитом».

¹⁶ «Чекан» – выпускающаяся на Царицынском арсенале реплика классического американского револьвера «SMITH & WESSON INC Model 27» под патрон «.357 магнум». Надежное, мощное, меткое оружие без каких-либо опций или украшений, простейший и дешевый дизайн. Однако на качестве изготовления дешевизна никак не отразилась. Эти револьверы стали очень популярны во всех без исключения армиях в качестве запасного оружия. Армии Новых княжеств (пришлых) тоже не исключение. Револьверы «сипайского образца» отличаются от других лишь материалом рукояток – из мягкой сосны, в то время как для коммерческих моделей использовалась дорогая лиственница. «Сипайские» выпускаются лишь со стволами 152 мм, в то время как коммерческие версии имеют стволы длиной 64, 102, 125, 210 и 340 мм (к последней модели прилагается съемный каркасный приклад).

– Хорошо, – ответил хозяин и пошел наверх по скрипящим деревянным ступеням.

Саломи, жена Полухина, пошла следом, сноровисто держа карабин на сгибе локтя, а громоздкая домоправительница осталась у лестницы.

– Сигнал какой? – спросил стоящий в темном углу старейшина Рарри.

Если бы не обычное для всего их гномьего племени сопение, его и не разглядеть там было.

– Говорил же, фонариком кругами размахивать буду. И тогда уже не задерживайтесь, сразу дуйте к нам что есть дури. Понятно?

– А чего тут непонятного? Ты уж нас совсем-то за дураков не держи, – хмыкнул гном.

А я и не держу, просто привычку имею в такие моменты повторять все по двадцать раз, чтобы потом не оказалось, что кто-то кого-то неправильно понял и от этого все накрылись известно чем.

– Ну что, все обсудили? У кого вопросы или что?

– Да какие тут вопросы. Ждем сигнала – и пошли, – сказал поручик.

Я пустил по кругу флягу с чаем для ночного зрения. Нам сейчас каждая малость пригодиться может. И действительно – через пару минут темнота вокруг как будто немного раздвинулась, превратившись скорее в темные сумерки.

Ждать сигнала пришлось недолго. Послышался негромкий свист с улицы, и из верхнего окна в темноту вылетели четыре маленьких, но ярких светящихся шарика, выстроившихся в одну линию и медленно поплывших в сторону длинного здания «Барабана».

– Сигнал, пошли! – махнул рукой поручик, и мы по одному выскочили в окно первого этажа, оказавшись на стоянке машин.

Затем, сильно пригнувшись, я перебежал в тень, отбрасываемую на пыльную землю городской стеной. Недаром мы именно в это время решили пойти на наше рискованное дело: тень должна довести нас до ближайших заборов, а до них не меньше четырехсот метров – полоса отчуждения уставная. Не доведет – и нам кранты.

Следом за нами через окно на улицу полезли гномы. Их часть операции не менее важна, чем наша. А у Орри Кулака особо почетная задача – не загубить мою «копейку».¹⁷ Мне такую потом в жизни не купить, если только Пантелея не изловлю и в контрразведку не представлю.

Вроде пока все тихо. Внимание всех сидящих в «Барабанах» должно быть приковано к четырем светлячкам, летающим над площадью подальше от нас, крадущихся в тени. Они должны изображать некое опасное и доселе невиданное чародейство, угрожающее засевающим в трактире.

¹⁷ «Копейка» – жаргонное наименование автомобиля АТЛ-ПГ (артиллерийский тягач легкий полугрузовой), однотонного, с грузоподъемностью на самом деле 1,2 т, выпускающегося на Нижегородском автозаводе. Машина построена по типу автомобиля ГАЗ-62 проекта 1958 года, внешне симбиоза знаменитого внедорожника ГАЗ-69 и полноприводного грузовика ГАЗ-63. В старом мире эта машина, по классу соответствующая американскому «Dodge WC-63» эпохи Второй мировой войны, в серию не пошла по непонятным причинам, а вот в Великоречье превратилась в один из самых универсальных автомобилей. Автомобиль оказался удачным, и завод, принадлежащий купеческому товариществу на вере первой гильдии «Баранов и компаньоны», открыл производство как гражданской, так и полицейской версий. На нее ставится двигатель Ярославского моторного завода мощностью 87 л. с. Изменение по отношению к прототипу совершили одно – чуть расширили колесную базу. Аналогичная машина выпускается в варианте АТЛ-Т (транспортный), вмещающая двенадцать солдат. Изначально АТЛ-ПГ была предназначена для транспортировки полковой пушки (полковая по классификации Великоречья – калибр 76,2 мм, все что выше – бригадное) ПП-4 (прообраз – ЗиС-3) или полковой гаубицы ГПК-1 (построена на основе горной пушки образца 1938 года, сильно измененной) вместе с расчетом и минимальным боекомплектом. Она послужила основой для целого ряда других моделей, включая командные машины и машины МПБ (магического подавления и борьбы). На ее основе построен самоходный минометный комплекс «Единорог» МСБ-107 (миномет самоходный бригадный калибром 107 мм). Миномет может монтироваться на поворотной платформе непосредственно в кузове машины или буксироваться следом на колесной паре, уступив место расчету и боекомплекту. Именно эта гибкость и сделала его очень популярным. С момента когда Царицынский арсенал начал выпускать пулемет КПВ (крупнокалиберный пулемет Владимировка калибром 14,5 мм), его тоже начали монтировать на шасси «копейки», на поворотном станке с сиденьем для наводчика. Машина получила наименование АТЛ-ОП (огневой поддержки) «Самострел».

А светлячки действительно целое представление устроили. Выстроившись в линию, они, издавая заунывный вой, неумолимо приближались к позициям противника. И я даже чувствовал короткие уколы магии с той стороны – кто-то пытался прощупать, чем может им угрожать эта новая напасть. Хорошо бы, чтобы и не удалось, не хрен им щупать.

Я пошел первым во главе нашего маленького отряда. Пока никто не шумел, тревогу не поднимал, в нас не стрелял. Если удастся дойти до заборов, то можно быть уверенными, что наш маневр остался незамеченным – не будет лучшей возможности перещелкать нас, как в тире, чем именно сейчас, когда мы выстроились вдоль высоченного частокола городской ограды. И магии никакой не надо: освети нас обычной ракетой или фонарем – и пали на выбор. Но пока боги миловали.

Чем ближе спасительные заборы, тем быстрее бег. Краем глаза вижу, что светлячки начинают разгораться ярче, неуклонно приближаясь к окнам трактира, а кто-то с той стороны на всякий случай начинает выставлять щит. Я чувствую, как оттуда потянуло магией, и неслабой. Успели от жертв набрать Силы эти уроды. Ну ничего, дай только ближе подойти, и там мы вам такое устроим...

Со стороны форта начали постреливать из винтовок и пулемета. Так тоже задумано, теперь нам шум понадобится. И чем больше – тем лучше. Из «Барабана» тоже начали отвечать – позиционная перестрелка штука заразительная, хоть в большинстве случаев бесполезная. Разве что спать друг другу мешают.

Вот и забор. Осталась последняя трудность – перебраться через него без шума. Как только мы за ним окажемся, – нас из «Барабана» никак не разглядеть будет. А мы прямо к его окнам сможем подойти. Главное, чтобы за самым забором засады не было. Недаром мы просили сегодня в эту сторону крепостную спарку¹⁸ бить почаще – чтобы отбить охоту шляться здесь без дела.

Присели на колено. Я уперся руками в шершавые доски высокого забора, еще раз огляделся. Непохоже, что нас заметили. И светляки видны прекрасно, к тому же слепить должны тех, кто на них глазееет, ночного зрения лишать.

– Давай руки!

Двое мужиков сцепили ладони замком, и я встал в их замок левой ногой.

– Толкай!

Рванули они меня вверх хорошо, я в одно касание оказался на противоположной стороне. Почти бесшумно приземлился. В другое время кур бы всполошил в близлежащем курятнике, но теперь это не страшно – они там и так бились как сумасшедшие, напуганные стрельбой. А собаки, к моему счастью, во дворе не оказалось – пристрелили собаку. Недаром мы сегодня время от времени днем слышали выстрелы, сопровождаемые собачьим визгом. Мародеры хозяйничали, и местные кабыздохи им кругом помеха.

¹⁸ *Спарка* – спаренный крепостной пулемет – в данном случае подразумевается модель ПККБ-С, пулемет крепостной (корабельный) крупнокалиберный Борисова, спаренный, калибра 12,7 мм. В сущности, является переработкой местным оружейником П. С. Борисовым (39-127 гг.) попавшим сюда с пришлыми НСВ, однако с принудительным водяным охлаждением обоих стволов. Каждый из них заключен в кожух, напоминающий известную систему «максима», но связанный армированным шлангом с почти столитровым баллоном с охлаждающей жидкостью. Отдача пулемета приводит в действие насос, заставляющий охлаждающую жидкость циркулировать, не давая стволам перегреваться даже при очень длинных очередях. В самом крайнем случае возможно принудительное охлаждение жидкости в резервуаре магическими способами, например с помощью амулета «Вечный холод». Пулемет установлен на стационарном крепостном станке, стрелок и заряжающий закрыты щитами, есть возможность установки дополнительных защитных амулетов. Питается от коробов с лентами на сто выстрелов. Заряжающий имеет возможность соединять ленты, поэтому в теории они могут быть бесконечными. Мощное дальнбойное оружие, пригодное также для ведения огня по воздушным целям. Крупнокалиберный пулемет НСВ-12,7 «Утес» под патрон 12,7x108 мм стоял на вооружении Советской армии с 1972 года. В новом мире запущен в производство Тверским княжеским арсеналом (ТКА), заодно с его местной версией с жидкостным охлаждением ПККБ, позволяющим вести огонь длинными очередями. Впрочем, в данном случае может иметься в виду вовсе не крепостной пулемет, а «спарка» из пулеметов Калашникова.

Едва коснувшись земли ботинками, я вскинул «маузер», уперев его прикладом в плечо. Ну теперь только сунься кто-нибудь! Но никто не сунулся – мой маневр прошел незамеченным. Я стукнул ладонью в заборную доску – путь свободен.

Через несколько секунд рядом со мной оказался весь отряд. Даже Полухин перебрался без проблем. С минуту сидели оглядываясь, прислушиваясь к нервно разгоравшейся перестрелке. Винтовочные выстрелы сухо лопались в ночном воздухе, как будто кто-то сухие доски ломал о колено. Отбойным молотком вмешивался в какофонию крупнокалиберный пулемет, звонко лязгали очередями ПК.¹⁹ Несколько раз разорвались мины из маленьких ротных минометов – толку от них ноль, но все равно шум.

– Пошли.

Я, как всегда, оказался в головном дозоре. Впрочем, кто кроме меня прослужил пять лет в эскадроне конной разведки? Только Полухин, но у него уважительная причина, почему он не может вперед соваться. Спасибо, что вообще с нами пошел. А поручик хоть и не дурак, а все же штабист, у меня к самому себе доверия больше, знаете ли.

Мы быстро выбрались со двора в узкий темный переулок. В нем тоже никого. Но все равно я оглядывался по сторонам не меньше минуты. Точно никого. Пересекли еще один двор. Вскрабкались на забор, опять долго высматривали признаки врага в переулке. И опять никого. Наверное, если кто и был, то убежал участвовать в перестрелке. Или наоборот – от нее подальше.

– За мной!

Пригнувшись, почти неслышно топая по пыльной дороге, перебежал переулок, схоронился в тени забора. За мной опять гуськом все наши выстроились. Затем заглянул в приоткрытую калитку. И замер. В этом дворе кто-то был. На слух не разберешь – заказанная нами же перестрелка все забивала, но тянуло табачным дымом и время от времени у самого дома вспыхивали огоньки папирос.

Кто это? Не мирные жители, это точно. Те бы не вывалили из дома покурить на улицу в разгар стрельбы под боком: мало ли кого во двор занесет. Даже если шальную пулю не схватишь, то просто на пробегающих бандитов напороться можно запросто. Значит, враги.

Обернулся, поднял распрямленную ладонь – «тихо». Затем показал всем – «ждать, смотреть по сторонам». И неслышно двинулся вперед. Хорошо, что забор в тени и тень за ним. Никто не разглядит силуэта моей головы, неожиданно растущего в калитке. А вот я разглядеть смогу – не даром же чаек для ночного зрения пил. И разглядел двоих с карабинами. Оба в форме какой-то «вольной роты», у обоих платки на шее. Наверняка желтые,²⁰ но сейчас не разглядишь – ночью все кошки серы.

Прижал к плечу приклад моего то ли длинного пистолета, то ли короткого карабина. Совместил три светящихся точки на голове одного из курильщиков. А ведь курение мы в этот мир на их голову притащили! Наградили местное население дурной привычкой, а теперь благодаря ей эти двое начисто ночного зрения лишились. И осталось мне лишь потянуть за мягкий спусковой крючок и услышать, как ударил курок по бойку и лязгнул затвор – хороший глушитель на этой пушке. А один из курильщиков, что лицом ко мне стоял, подкосившись в коленях, осел на землю с дырой во лбу. Второй подхватить его попытался непонятно зачем. Не понял даже, что случилось. Так и умер в неведении от пули в затылок.

– За мной!

¹⁹ Царицынский арсенал выпускает несколько разновидностей этого легендарного пулемета Калашникова: ПК (просто пулемет на сошках), ПКС (пулемет Калашникова станковый на трехногом станке), ПКБ (пулемет Калашникова бронетранспортерный, предназначенный для монтирования на турели и имеющий брезентовые сумки для сбора гильз и звеньев ленты), ПКСК (пулемет Калашникова станковый крепостной, модель с добавленным принудительным водяным охлаждением ствола, зачастую монтируется в укреплениях в виде «спарок»).

²⁰ В Пограничном бандиты в заварухе отличали друг друга по специальному знаку – шейным платкам желтого цвета.

Мы вновь тихо заскользили гуськом, стараясь избегать мест, где светила голубоватая местная Луна. До восхода второй, белой, еще не меньше часа, – а вот она тени подрежет. Надо успевать до ее восхода.

Дом проверить пришлось, чтобы нам никто в спину не стрелял. Но там было пусто – населяли его аборигены, судя по обиходу и тому, что Полухин сказал. А значит, запросто могли сейчас дома пришлых грабить – сложностью нравов этот народ не отличается, так что даже если один из убиенных – хозяин дома, ни капельки его не жалко. Думаю, что если удастся отбиться Пограничному, отношение к аборигенам здесь пересмотрят. Наверняка.

– Давай, давай, не отставай! – поторопил я своих.

Уже близко. Уже холод по спине пополз от близкой магии. Два источника, двое колдуют. Мне одно от другого не отличить, но если судить по тому, что от одного волна Силы идет ровная, однообразная, а от второго – пульсирующая и рваная, то можно заключить, что один из Созерцающих выставил щит и держит его, а второй пытается чем-то сбить непонятных светляков, выглядящих угрожающими. Что и требовалось.

С обратной стороны «Барабана» никого. Наверняка все на вражескую магию глазают. Незнакомое пугает, но и притягивает. А вой от Машинных огненных шаров я даже здесь слышу, сквозь стрельбу. Накачала она их, как бы совсем силы не растеряла. Ей еще ветер поднимать. Светлячки да ветер – вот что от нее сегодня требуется. Иначе все бесу помойному под хвост пойдет, что мы тут задумали, а заодно и мы сами.

Вот и бревенчатая стена трактира. Показал Полухину и одному из мужиков, отзывавшемуся на Игната, на заднее крыльцо и окна: смотрите, мол. Пусть нас с тыла прикрывают. А сам полез в окно, которое вело на трактирную кухню. Под окном стол обнаружился разделочный, на нем какие-то кастрюли, из которых супом пахнет. А над окном сковородки на крючках висят. Целая сигнальная система. Пришлось их аккуратненько в сторону переставлять и сковороды снимать, чтобы не загремели. Залезли. Затем мы с поручиком к дверям пошли, и двое мужиков следом. Вот и весь наш отряд, собственно говоря. Стволы да две гранаты. И за то спасибо.

За дверью, у которой мы присели, стреляли всюду. Из самозарядников причем. Трое, не больше. Гранату кидать не буду – жалко. Гранаты на колдунов пригодятся. Один из мужиков дверь толкнул, а я тихо вошел в нее, огляделся. Еще какая-то небольшая комната, не общий зал. А в ней так и есть, трое. Все в черных тюрбанах с закрытыми до глаз лицами. Туги. Присели за перевернутым на бок столом, за которым еще какая-то мебель навалена, и палят самозабвенно по вспышкам, что на стенах форта мелькают. А пули в эту сторону уже и не летят, все выше крыши трактира, как мы и просили.

В общем, застрелили мы этих троих тремя же выстрелами. Двоих я положил, а одному поручик из табельного «кольта» в затылок пальнул. Кто услышит в такой стрельбе? Главное, чтобы не показалось остальным подозрительным, что здесь пальба затихла.

– Пошли дальше!

А магией откуда-то сверху тянет. И один источник на втором этаже, и второй. Опять дверь, и опять один из мужиков, тот, что раньше с убитым «снайпером» был, дверь отворил. А я в нее и проскользнул. А тут четверо. И все прямо передо мной, за стойкой устроились. Запах разлитого пива такой, что дышать невозможно. Наверняка вылакали половину, а для начальства версию заготовили, что «облились». А как иначе? Тем более что открывшуюся за спиной дверь даже не услышали, хоть она и скрипнула. И уже когда их убивать начали, лишь один спохватился, повернул в нашу сторону ствол карабина – только для того, чтобы две пули из «маузера» в лицо поймать и одну из карабина – в грудь.

Семеро. Семеро было здесь, с улицы стрельбы нет. А первый этаж до самого конца отсюда просматривается. И здесь уже никого. Значит, к лестнице. Я скосил глаза на лежащее на полу

оружие. Точно, самозарядник, да еще и новенький с виду, ярославский СКС-М.²¹ Кто им подкинул? Как добыли? Поручик подобрал на ходу один карабин и ловко выдернул пару запасных магазинов из подсумка убитого туга.

Тут спутники мои порядок движения нарушили – сказало все же отсутствие выучки. Перемахнули через стойку и с оружием наперевес бросились к лестнице. А лестница охранялась. Едва они туда сунулись, как оттуда наперегонки два ствола ударило. Одного из мужиков на месте убило, я увидел, как пуля у него из затылка целый фонтан крови выбила, а второй две в живот получил, захрипел и упал на пол, скребя его ногтями.

– Идиоты! – аж зарычал я от ярости и выпустил все оставшиеся в магазине «маузера» патроны по невидимым в темноте перилам, из-за которых кто-то стрелял в нас.

И попал. Чье-то тело покатило вниз по ступенькам, крича и базлая, сводя на нет всю конспирацию. Второй же увернулся, несмотря на то что поручик туда дострелял магазин своего СКС-М, побежал вверх по лестнице, топая сапогами и крича «Тревога!» на виларском языке, на котором все государства от Великой и до Лесного хребта говорят. И тревогу поднимают.

Поручик последнюю пулю потратил на корчащегося под лестницей противника, после чего вогнал в приемник следующий магазин и сорвал затвор с задержки.

Волна магии от щита осталась на месте, а вторую, прерывистую, как ножом срезало. Жди теперь сюрпризов.

– Гранаты к бою! – скомандовал я поручику, хотя обе гранаты были у меня.

Боеспособными только мы двое и остались. И всей артиллерии – две гранаты ГОУ-2²² из моих запасов. И все, больше у нас ничего нет. И на обеих я отжал усики – обе сейчас в дело пойдут.

– Держи лестницу, – скомандовал я офицеру, сменив магазин в «маузере» и рванув в ту сторону.

Тот лишь кивнул, наведя ствол на лестничный пролет.

Сейчас мы только на опережение можем действовать. Не дай боги, два оставшихся колдуна сообразят, откуда основная угроза исходит, и тогда они нас или по стенам тонким слоем размажут, или под землю на десять сажен загонят. По собственному выбору, как левая нога захочет. На таком расстоянии мы им не противники.

Подскочил к лестнице, задрав в ту сторону ствол пистолета, а затем, подумав секунду, выпустил пять пуль прямо сквозь пол, у себя над головой. И не ошибся. Там кто-то заорал, как будто его демоны заживо на куски рвут, и забился в судорогах, колотясь в доски. Нельзя быть слишком предсказуемым в устройстве засад – ведь тогда и проверять необязательно, ждет тебя кто-нибудь или нет.

Пробежав несколько ступенек, рванул кольцо, выждал пару секунд и закинул «толкушку» гранаты на второй этаж, присел. Рвануло почти сразу, осветило все вспышкой, сыпануло оскол-

²¹ СКС-М (самозарядный карабин Симонова модернизированный) – практически точная копия самозарядного карабина Симонова образца 1943 года по внутреннему устройству, но сконструированная и переделанная под патрон 7,62x51, он же калибр «.308». Мощности старого боеприпаса не хватает в условиях Великоречья для всех задач, особенно для обороны от крупных хищников и всевозможной нечисти. Внешнее исполнение карабина тоже изменилось – на нем появился пламегаситель, магазин стал приставным, емкостью 20 патронов, шейка приклада «запистолетилась», и внешне винтовка теперь похожа на американскую М-14. На первый взгляд заметно лишь одно отличие – у американской винтовки газоотводная трубка находится снизу ствола, а у СКС-М – над стволом.

²² ГОУ-2 (граната осколочная универсальная) – представляет собой комплект из двух чугунных цилиндров с насечками, вставляемых один в другой. С надетой «рубашкой» граната – это оборонительное оружие, со снятой – наступательное. Возможно применение длинной деревянной ручки для увеличения дистанции метания. В армии не пользуется популярностью из-за сложности конструкции и потому что после боя надо еще и «рубашки» сдавать, отчитываясь за каждую. И не дай боги, старшина найдет в окопе «рубашку» неиспользованную и брошенную небрежно. Там предпочитают новые реплики проверенных Ф-1 и РГД-5. Впрочем, «обмыв» всех званий и наград производится исключительно путем налива водки в стаканчик «рубашки» от ГОУ-2. Для гражданского же применения ГОУ-2 ограниченно разрешена (те же охотники могут покупать их по предъявлению жетона). По большому счету, ГОУ-2 представляет гибрид германской «Stielhandgranaten 24» («толкушки») с советской РГД-33.

ками по стенам. Кто-то заорал дурниной в коридоре, зато корчившийся в судорогах почти у меня над головой – затих. А я, как из рогатки подброшенный, изо всех сил вверх поскакал, стараясь успеть до того, как ответные подарки прилетят. Разглядел в дыму и пыли в коридоре чей-то силуэт с откинутой в сторону рукой, выпустил в него две пули и спрятался за поворотом, молясь, чтобы тот в ответ метнуть ничего не смог – ошибиться было нельзя, что он там делать собирался.

Опять рвануло в коридоре, – видать, не дали ему мои выстрелы бомбами разбрасываться. Услышал я, как тело рухнуло. А вверх по лестнице, топоча по ступенькам, летел уже поручик, готовясь поддержать меня. Очень кстати.

– Колдуны слева по коридору, – прохрипел я ему, едва он оказался рядом. – Держи коридор справа, не дай выйти никому мне в спину.

– Понял, давай! – кивнул он и резко высунулся из-за угла. И тут же дважды выстрелил.

Оттуда тоже грохнул выстрел из винтовки. Не везет, уже началось.

– Отбивай как хочешь, но прикрой меня. Иначе нам абзац! – крикнул я с отчаянием.

Вся наша затея начинала аккуратно сворачиваться в трубочку – как раз чтобы направиться прямо псу под хвост. Такое у меня появилось ощущение.

– Да понял я, дуй вперед! – огрызнулся штабист.

И тут же открыл частый огонь вдоль коридора. А я, согнувшись в три погибели и выставив перед собой ствол «маузера», побежал дальше, в сторону источника Силы, молясь про себя, чтобы второй источник, отключившийся, не дал по мне со всей дури, испепелив на месте, например.

Боевой маг противника глазами должен видеть, чтобы заклинание навести, на это вся и надежда. И когда вдруг вспыхнул второй источник Силы, обдав меня холодом, и в коридоре показался черный силуэт в окружении сверкающего щита, я успел трижды выстрелить в щит и в ужасе убедиться, что пули рикошетят. А затем схватился за последнюю гранату, понимая, что не успеваю. И в этот момент что-то со страшным треском разорвалось в той комнате, откуда выскочил колдун. Щит его мигнул и погас, приняв на себя страшный удар чужой магии. В воздухе резко пахнуло грозой, перекрывшей запах горелого пороха, колдун покачнулся, взмахнул руками, почти успел восстановить щит, но «почти» не считается. Мне хватило этого времени, чтобы трижды выстрелить ему в грудь и голову.

Темная фигура, как сбитый с подставки манекен, упала навзничь в коридоре, неподвижно застыв в быстро увеличивающейся луже крови, текущей из разбитого затылка. А я уже перепрыгнул через него, через второго, погибшего от моих пуль и своей гранаты, и бежал вперед, сжимая ладонью рубчатый бочонок гранаты без рукоятки, наплевав на тех, кто, может быть, еще прятался в комнатах справа и слева. И, оказавшись у той двери, за которой резко оборвался поток Силы, державший щит, закатил туда гранату, а сам прижался к толстым бревнам стены прямо за косяком двери. Услышал ругательство, затем почувал новую вспышку Силы и глухой взрыв, как будто граната рванула под слоем пуховых перин.

Накрыл каким-то полем «феньку» Созерцающий, но магию мгновенно не перенацелишь. Поэтому когда я влетел в дверь, увидел лишь наголо бритого, тощего человечка в черном балахоне, поворачивающего ко мне оскаленное от страшного напряжения лицо. Он стоял на коленях над вскрытым и разваленным детским обнаженным телом, сжимая в руке кривой и раздвоенный на конце жертвенный нож, с которого капала кровь. Еще я увидел какого-то бородача в черном тюрбане, выбирающегося из-за опрокинутого стола с карабином в руках. И тогда я начал стрелять в них обоих поочередно, с ликованием понимая, что опередил противника, и гад в черном клобуке ничего противопоставить моему «маузеру» не успел, а теперь лишь дергается под ударами пуль, попадающими ему в грудь. А вот бородач упал сразу, мешком, схватившись за простреленное горло мгновенно окровавившимися руками.

В колдуна пришлось дострелять магазин. Та Сила, которую он собрал с растянутой на полу, в центре шестиконечной звезды Кали, мертвой девочки, не давала ему умереть. Прошивающие насквозь его тощее тело пули не давали завершить заклинания, но призванная Сила продолжала удерживать его у грани смерти. И лишь последний выстрел, в переносицу, прервал его колдовство. Накопленная Сила вывернула тело колдуна в штопор, я даже услышал, как треснули кости, и едва успел выскочить в коридор, прежде чем по деревянным стенам плеснуло кровавым дождем.

Вот так бывает, когда Сила уже набрана в себя, но в заклинание не вылилась. В ключья разрывает. Это тебе, уроду, сам знаешь за кого.

С моей стороны коридора уже никого не было, но поручик всю перестреливался как минимум с двумя или тремя противниками, на мгновение высывавшимися в коридор из дверей, чтобы выпустить пулю в его сторону. Гремели выстрелы, свистели пули по всему коридору, сыпалась труха из бревенчатых стен в лучах лунного света, выбивавшегося из открытых дверей, плыла пороховая гарь.

Воевать так можно было до бесконечности, но нам повезло. Услышав, как я крикнул поручику: «Колдуны готовы», его противники решили оборону больше не держать, а лихо повыскакивали из окон второго этажа. И нам осталось послушать стрельбу Полухина с товарищем, которых мы предусмотрительно посадили там в засаду.

А затем я подбежал к окну, зажег фонарик и начал крутить им перед собой. И через несколько секунд из-за угла «Улар-реки»²³ показалась быстро набирающая скорость «копейка», в кузове которой виднелись приземистые силуэты гномов.

– Вниз! Наши! – крикнул я поручику, а сам рванул по лестнице, подобрав у одного из противников новенькую СКС-М с подсумками. Добыли ведь где-то, гаденыши, да не впрок пошло – подошли. Вот теперь-то карабин может мне пригодиться, все как я и предсказывал. Даже не один, два прихвачу – благо под ногами валяются.

Поручик побежал следом, по пути тоже подхватив какую-то винтовку с пола, исключительно на инстинкте сбора трофеев. Мы с грохотом сапог ссыпались по деревянной лестнице на первый этаж, я присел на колено возле того мужика, что получил пулю в живот. Проверил пульс на шее и разочарованно покачал головой. Отмучился. Подхватил с пола еще и его карабин, а затем мы пробежали общим залом до окна – как раз вовремя, чтобы встретить машину с той стороны и Полухина с Игнатом с тыла.

Едва машина остановилась под окном, как четверо гномов, подхватив могучими руками две пятидесятилитровые бочки с бензином из кузова, лихо закинули их нам в окно. Из моих запасов бензин, не дай боги, потом не восполнят потерю! И нам осталось лишь отбить у них плотные пробки, а затем наперегонки выскочить в окно, прихватив трофеи и забросив внутрь зажигательную гранату гномьего изготовления. И едва мы отъехали метров на сорок, как внутри трактира «Отставной К. барабанщик» рвануло, из всех окон первого этажа вырвались длинные языки клубящегося пламени, крыша словно подскочила над трактиром, и вскоре все здание окуталось пламенем без всякой надежды на то, что его удастся погасить.

Орри, сидевший на моем месте, за рулем, прибавил газу. В нас начали постреливать из других мест, где засел противник, но неточно. Мы так и рассчитывали, что пламя пожара не даст толком прицелиться – не разглядеть будет темно-серую машину в темноте на фоне серой же стены. Так и вышло. И через полминуты мы вновь нырнули за спасительный угол «Улар-реки».

²³ «Улар-река» – гостиница в Пограничном, в которой поселились, а потом с трудом собрались герои и их новые друзья гномы во время захвата бандитами города.

Там нас уже ждали все, кто оставался в здании. Машу держали под руки, усатая домохозяйка прикладывала ей к носу белый платок, пытаясь унять кровь, вытекавшую из ноздрей тоненькими, черными в темноте струйками.

– Перенапряглась? – подскочил я к ней, затем не удержался, прижал к себе, расцеловал, ощутив на губах вкус ее крови.

– Ты чего? – слабо улыбнулась она.

Даже губы побледнели, как у вампира стали.

– Как это – чего? Ты своими светляками у колдуна щит сбила?

– Получилось? А я и не надеялась. Почувствовала, что там дело плохо, и прямо в окно запустила их, даже тот щит, что второй колдун держал, пробила.

А то я не понял. Странно, что она после такого перенапряжения вообще еще в сознании. Приходилось видеть, как после такого колдовства на износ людей в больничку на рогожке относили. И хорошо, если оправлялись потом.

– Не помешала?

Ну вот, сюрприз за сюрпризом. Из темноты, из-за спин собравшихся, в пятно лунного света вступила Лари.

– Не успела сказать – Лари вернулась, – опять слабо, но вполне искренне улыбнулась Маша.

– Да уж вижу. Могла и не говорить.

Я повернулся к неуловимо ухмыляющейся, по своему обыкновению демонессе. Выглядела она так, как будто ничего и не случилось. Одежда в идеальном порядке, поза изящна, сапоги без пылинки на них. Как удастся? Ясно же, что не в карете сюда приехала.

– Ты как сюда попала? – поразился я.

– По стене.

Она показала рукой в перчатке на городскую стену в трех десятках метров от нас.

– По стене?

Это было возможно, если бы на верхушку городской стены не целился с гораздо более высокой стены форта пулемет, который, как сор веником, смел бы любого с ее вершины. Именно поэтому противники и не рисковали идти с той стороны. Командование гарнизона атаку с этой стороны предвидело и защитило направление по максимуму.

– С «Покрывалом мрака».

Она вытащила из кармана своей куртки за тонкую цепочку круглый черный камешек, оправленный в серебро. Покрутила на пальце перед собой, отчего от камешка расплзлось маленькое облачко тьмы, быстро рассеявшееся.

Вот те раз, а я и не знал, что у Лари такой полезный амулетик имеется. Это то самое «Покрывало мрака», которым защищался от наших пуль бхут-трактирщик.²⁴ Впрочем, много я вообще о ней знаю? Почти ничего. Знаю, что она в розыске за всевозможные хулиганские жесты и что вообще склонна к необдуманным поступкам – драка с наемниками в кабаке тому подтверждение. И знаю, что красива она чертовски, что о ней, демонессе, сказать – язык легко поворачивается. И все, больше ничего не ведаю. Болтает она много, а вот говорит при этом мало. Тоже талант.

– Во... а это что такое?

Как-то за общей суетой я совсем не заметил того, что она не одна. Под стеной дома сидела фигура с мешком на голове и в уже хорошо знакомом черном клобуке, правда без амулета на груди. На том месте на стальных цепочках висел хорошо мне знакомый с виду «Внутренний щит», но только не казенного тверского образца, а неизвестного мне изготовления. Руки

²⁴ Бхут – демоническая разновидность оборотня, на сегодня весьма редкая.

у сидящего были скованы за спиной чем-то здорово отдававшим магией. И оттуда шла цепочка, ведущая непосредственно в затянутую неизменной перчаткой ладонь демонессы.

– А кто это? – переспросил я.

Лари обернулась к пленнику, посмотрела на него, будто только увидела, затем пнула его под ребра так, что тот охнул и согнулся пополам, после чего сильно постучала по накрытой мешком голове рукояткой латига и спросила:

– А ты кто, зайнька? Раскрой нам тайну.

В ответ из-под мешка прозвучало невнятное ругательство, которое повлекло за собой новый пинок. Затем Лари обернулась ко мне, улыбнулась во всю ширь и сказала:

– Необщительный попался. И грубый. Но это не страшно.

Затем на минуту прекратила ерничать и сказала уже серьезно:

– Созерцающие в городе хулиганят. И туги. Этот мне случайно по дороге попался – бежал по улице с тремя охранниками. И еще меня с собой прихватить хотели в качестве... не знаю, возможно, жертвы, а возможно, и для потребностей попроще.

Уточнять, что стало с охранниками, я не стал. Покрытые запекшейся кровью концы латига говорили сами за себя. Подпустили близко, на свою голову. А насчет тутов я совсем не удивился – недаром же говорили, что орден Созерцающих ими правит. Мы и сами только что их целую кучу настреляли.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарил я демонессу, с наслаждением поцеловал ее в подставленную щеку и не отказал себе в удовольствии пнуть в пыльный бок пленного, отчего тот опять охнул. – Пообщаемся с этой сволочью позднее, в форте. Время терять нельзя. По машинам!

Команда немного даже запоздала: все были готовы сваливать и сидели в машинах. Лишь поручик присел на корточки на земле возле полевого телефона, шнур которого тянулся в сторону стены форта. Он посмотрел на меня, спросил:

– Готовы? Даю команду?

– Давай, чего ждать.

Сам я тем временем обматывал щиколотки пленного концом цепи, которую отобрал у Лари. Так, «ласточкой», надежней будет. Мне активно помогал старейшина Рарри, упершись в спину злодею своим толстым коленом и сжав его щиколотки могучими ручищами молотобойца в сотом поколении. После того как процесс упаковки пленного завершился, он удовлетворенно хмыкнул, подозвал Балина, и они вдвоем закинули его в кузов «копейки» так легко, будто и не человек это был, а мешок тряпья.

– Орри, заводи! – скомандовал я, запрыгивая в кузов сам и устраиваясь с карабином за щитом, огораживавшим бочки с бензином. Стальной лист, что внутри, разве из крупнокалиберного прошибить можно – вот и меня прикроет.

– Готово, ждут! – крикнул поручик и, сматывая телефон на ходу, уселся в «козла»,²⁵ стоящего перед нами и в прошлом принадлежавшего парню с СВД, убитому снайпером.

Машу разместили в кузове, заботливо уложив среди мешков и рюкзаков, чтобы ей было помягче, да и защитить по возможности от шальной пули.

²⁵ «Козел», или «виллис» – жаргонное название популярного в Великоречье класса легких внедорожников грузоподъемностью до 250 кг. Делают их на нескольких заводах. В Нижнем Новгороде с успехом выпускается почти точная копия ГАЗ-69, идущая в продажу. Поскольку все нижегородские машины комплектуются ярославскими моторами, часть шасси в обмен на них передается в Ярославль, где вместе с двигателем монтируется на нее кузов другой компоновки – чуть ниже, с широким капотом и без дверей. Машина с таким кузовом официально называется «Ярославич» ЛВК-7 (легкий вездеход командирский), но все зовут ее «виллисом». Названием обязан тому, что внешне очень напоминает американскую ленд-лизговскую машину, хотя в основе своей остается все тем же ГАЗ-69. «Козлами» же зовут все легкие внедорожники, поскольку склонность их к прыгучести общеизвестна. Кроме того, в обоих городах на узлах и агрегатах ГАЗ-69 выпускается амфибия «Тритон», почти точная копия американского «Форда Жи-Пи-Эй» эпохи Второй мировой войны. Эта машина является очень популярным разведывательным внедорожником во всех армиях Новых государств.

– Извини, помочь уже ничем не смогу, – слабо улыбнулась она мне. – Вся выложились тогда, пальцем пошевелить и то проблема.

– Да ладно, прорвемся! – махнул я рукой, чтобы ее успокоить.

Сам я так уж сильно в этом уверен не был: все же не такие у нас машины и быстрые, а двести метров под обстрелом – это немало. Вся надежда теперь на тех, кто нас из форта прикрывать будет, чтобы все сделали так, как мы и договорились.

Все замерли, как будто даже дышать прекратили. Завозившийся было пленник, попытавшийся улечься поудобней, получил очередной пинок в ребра, на этот раз от Балина, который возню прекратил, а заодно лишил того дыхания.

– Ждем сигнала! – крикнул поручик, перекрыв звуки непрекращающейся перестрелки.

Затем раздался одновременный залп нескольких гранатометов и ротных минометов со стороны форта. Пять дымовых гранат рванули почти одновременно метрах в трехстах от стены форта, а не меньше десятка осветительных мин повисли на парашютах дальше, над ближайшими заборами, вместе с пожаром освещая дымные облака со стороны противника. Должно было получиться что-то вроде непроницаемого занавеса, совершенно не просматриваемого с той стороны, но так ли это – проверить возможности не было, оставалось рассчитывать на лучшее.

– Вперед! – крикнул поручик, и четыре уже прогретых мотора взревели разом.

Первым в колонне пошел «полевик»²⁶ Полухина как самый медленный, за рулем которого сидел «гном с салфеткой». Хозяин пристроился от него справа, а уважаемая Саломе Полухина с винтовкой залегла в кузове. По причине увечья супруга она была главной ударной силой в семье на таких расстояниях. А вот поближе унтер-офицер Полухин до сих пор был неплох – двое из троих, выпрыгнувших в окна, были на его счету.

Едва первая машина показалась из-за угла, как со стороны противника стрельба резко усилилась. Все же эффективность нашей дымовой завесы оставляла желать лучшего. Неторопливый пикап несуетно набирал скорость, из его кузова открыла огонь его хозяйка. Вспышки голубоватого пламени срывались с пламегасителя ее винтовки с частотой молотка, колотящего по гвоздю.

Следом за пикапом выехал второй «полевичок», за рулем которого сидел усатый Иваныч, а рядом с ним усатая управительница. Надпись «Гостиница «Улар-река», сделанная на борту автомобиля, не вызывала ни малейшего сомнения, кому он принадлежит. В самом фургоне за набросанными мешками с мукой спрятались кухарка и горничная, не бросившие своих работодателей в беде, даром что обе были аборигенками из Марианского герцогства.

За фургоном выкатился лишившийся хозяина ГАЗ-69, которым управлял сам старейшина Рарри, а с заднего сиденья стрелял, целясь по вспышкам, поручик-пограничник. Ну и последними, замыкая колонну, катили мы. Вновь за баранкой моего вездехода оказался Орри Кулак, застегнувший по такому случаю свой роскошный кожаный реглан и надвинувший на глаза пылевые очки. Венчала его голову кожаная шоферская кепка-восьмиуголка с блестящей пуговичкой в центре. В кузове лежала на мешках Маша, под ногами у нее, под присмотром Балина, валялся пленный колдун, а мы с Лари устроились прямо на бочках с бензином, как на баррикаде, рассчитывая на прочность щита. Не бросать же столько добра!

Едва бревенчатая стена уплыла из нашего поля зрения, открыв, подобно отодвинутому театральному занавесу, картину ночного боя, пожара и стелящегося по площади не такого

²⁶ Пикап «Полевик» – коммерческий грузовичок на удлиненном и немного усиленном шасси ЛВК-12 (в свою очередь создан на базе автомобиля ЛуАЗ-969А). Грузоподъемность пикапа достигает 400 кг, двигатель остался прежним, но изменены передаточные числа в трансмиссии. По сравнению с базовой моделью упала скорость (максимальная всего 50 км/ч), зато значительно выросла грузоподъемность и тяговитость. Все органы управления и конструкция кузова максимально упрощены в целях снижения себестоимости производства. Есть короткая модификация «Имп» – легкий экономичный вездеходик, отличающийся от «Полевика» скоростью повыше (до 70 км/ч), короткой базой и повышенной проходимостью.

уж густого дыма, как я сразу начал выискивать тут и там мелькающие огоньки винтовочных выстрелов.

Огонь по форту и гостинице «Улар-река» вели отовсюду – с крыш, чердаков, из-за заборов. Доставалось и нам, хоть дымы, уже разошедшиеся по всему пространству перед нами, явно мешали толком прицелиться. Но самое главное – из «Барабана», окутанного облаком ярко-желтого, как платки напавших на город, пламени, уже не стрелял никто. И я не ощущал никакой магии с той стороны. Наша вылазка своих целей достигла на сто процентов, вызвав у меня приступ злобного ликования.

Рядом колотил трофейный СВТ-К,²⁷ из которого стреляла наша демонесса, я судорожно выискивал в сверкающей разноцветными огнями темноте вспышки выстрелов, палил по ним в ответ или не в ответ – сам не знаю. Орри ругался во весь голос, взбешенный тем, что мы вынуждены были подстраиваться под самых медленных в колонне, не имея возможности рывнуть мотором, рвануть вперед что есть дури, спрятаться от обстрела за крепкими стенами форта Пограничный.

В форте, впрочем, тоже не спали. Гранатометы выстрелили повторно, раскидав по площади еще несколько дымовых шашек. Они вспухли облаками серого непрозрачного дыма, а я мысленно проклял нашу торопливость – надо было ехать после второго, а еще лучше – третьего залпа. Тогда бы нас гарантированно прикрыло. Вот так всегда с хорошей мыслью – задерживается она часто с приходом. Что же она так?..

Увидев, что дым вот-вот скроет нас, противник перенес весь огонь на машины. Несмотря на треск и грохот вокруг, было хорошо слышно, как пули попадают в стальные кузова, видно было, как выбиваются искры. Хлопнуло и спустило заднее левое колесо в моей «копейке», машину потянуло в сторону. Я отстрелял один двадцатизарядный магазин, выпустил по огонькам второй и начал расстреливать третий, как вся наша колонна, наконец... хотел сказать «влетела», но было бы преувеличением: въехала в ворота форта, распахнутые перед нами несколькими солдатами, присевшими за тяжелыми створками.

– Туда, туда! – кричал кто-то с винтовкой в одной руке и размахивая другой, свободной, показывая нам место, куда мы должны встать.

Место, кстати, между делом было оцеплено взводом погранцов, и к тому же туда были направлены пулеметы аж с трех «козлов», за которыми виднелись силуэты солдат. Вот так, к вопросу о доверии.

– Всем сложить оружие, никому не двигаться! – крикнул некто с петлицами капитана.

Голос командный, поставленный. Кто бы это?

– Комендант. Капитан Шадрин, – ответил на мой молчаливый вопрос Орри Кулак. – Тот еще...

Остается только поверить гному, который в этом городе отнюдь не в первый раз. Лично меня судьба с капитаном Шадринным пока не сводила.

При ближайшем рассмотрении капитан Шадрин оказался вполне терпимой в обществе личностью. После того как он отделил зерна от плевел, то есть поручика с Полухиним от всех остальных, он устроил всем перекрестный допрос на тему: кто есть кто и кто тут что делает?

²⁷ ТКА (Тверской княжеский арсенал) начал воспроизводить известную в свое время самозарядную винтовку Токарева – СВТ-40. Но производил в компоновке известной бельгийской винтовки FN-FAL, которая, собственно говоря, и была содрана с СВТ-40 самым наглым образом в своей механической части от первой до последней детали. А на ТКА позаимствовали уже с бельгийской версии современные цевье, pistolетную рукоятку, приклад почти на оси ствола, двадцатизарядный магазин, прицельные приспособления на газоотводной трубке и крышке ствольной коробки, откидную рукоятку для переноски и торчащий открыто вперед длинный ствол со щелевым пламегасителем. Разве что магазин получился чуть изогнутый, под патрон 7,62x54R. Винтовка выпускается в нескольких разновидностях. Среди них: пехотная СВТ-П, со стволом 55 см и деревянным прикладом, укороченный карабин СВТ-К для егерей, кавалерии, артиллерии и саперов, со стволом 45 см и складным каркасным прикладом, и СВТС (снайперская), с утяжеленным стволом с долами длиной 65 см, вывешенным в ствольной коробке консольно, и смонтированными на цевье штатными сошками. Прицел штатно используется четырехкратный.

Рядом с ним все это время стоял тот самый подпоручик в черном мундире ведомства, которое сюда не пускают, и все это время делал некие пассы своим уставным жезлом. От него исходили некие волны Силы, прерывистые и неряшливые, – он явно прощупывал нас «Заключением ключа», пытаясь определить, правду ли мы говорим.

Колдун-подпоручик силы был невеликой. Что и неудивительно: ведь разве сильного колдуна отправят в дальний гарнизон на КПП²⁸ стоять и из толпы нечисть вылавливать? Сильные при делах больших обретаются, а совсем сильные так и служить не идут, а деньги зарабатывают. А таких, как он, и направляют. От такой его сноровки даже встречного волшебства не нужно – достаточно небольшого усилия, чтобы эдакого неуча обмануть, но я этого делать не стал. Чего мне скрывать?

После предъявления «сыскухи» капитан Шадрин даже отнесся к нам с неким расположением. Ему уже доложили сегодня, до того как все это безобразие началось, о нашем появлении. Я даже спросил, не удержался, не пришла ли телеграмма из Твери для нас, но тут он меня разочаровал: телеграф не работал. С первыми выстрелами в городе связь оборвалась. Кто-то активно ей мешал, причем забив работу всех амулетов дальней связи. Для этого Силы надо много, мало кто так бы сумел. Сразу Пантелей на ум приходит.

Лари бросила заинтересованный взгляд на дверь в гауптвахту, куда отволокли, не развязывая, ее пленного. Тут она права – вопросов к Созерцающим накопилось много. И задать их надо как можно скорее. Но было не до того. Противник, разозленный потерей «Барабана» и тем, что из «Улар-реки» прямо у него перед носом сбежала целая колонна машин, резко усилил обстрел. Треск винтовочных выстрелов стоял такой, что наблюдатели на стене были вынуждены попрыгаться, а с верха вниз летели щепки и труха от беспощадно избиваемого пулями частокола.

Где-то завелся пулемет, затем второй. А потом раздался знакомый звук, как будто выдернули пробки из бутылок, и с отвратительным тонким визгом на территорию форта прилетели осколочные мины из ротных минометов, заставив всех стоящих во дворе попрыгаться. В ответ не стреляли ни такие же маленькие минометы, ни артиллерия крепости – огонь сюда велся из города, и куда стрелять, было непонятно. Там было полно мирных жителей, которые сейчас отлично выступали на стороне противника в роли заложников, да там еще отбивались от захватчиков отдельными очагами. В общем, из форта продолжали бить разве что по ближайшим домам, отчего большой пользы не было.

Когда город закладывался, его готовили к обороне от внешнего врага, а такой простой способ захвата, как сегодня, откровенно прошляпили. Решили, что мощный гарнизон с комендатурой купно такого безобразия не допустят. А ведь просто как мычание – серией мелких нахальных нападений на все подряд растащить гарнизон по всей территории ответственности, а затем захватить городишко силами «караванной охраны» и «пятой колонны», которая здесь всегда жила и процветала. А прорываться разбредшемуся по долинам и по взгорьям гарнизону обратно не так просто: противник ведь наверняка не поленился засады устроить на путях вероятного подхода неизвестно где блуждающих патрулей.

Сначала я бросился к своей машине и отогнал ее за заднюю стену какой-то казармы – туда, куда вероятность попадания мины была самой минимальной. Ну ладно, если мина из «ротника» прилетит – это еще ничего, а вот как начнут нас завтра сипаи жарить из полковых? Тогда что? Гаси свет тогда, что еще...

Пока мы суетились во дворе, Иваныч с управительницей под командованием Полухина утащили еле переставлявшую ноги Машу в одну из казарм. До подхода артиллерии противника особо опасаться обстрела в зданиях не следовало, вот ее и уложили на солдатскую койку. Мы с Лари зашли к ней, присели рядом, подтащив табуретки.

²⁸ КПП – чисто наше понятие: контрольно-пропускной пункт.

– Дорогая, как ты? – улыбнулась колдунье наша нечисть.

– Только не приставай сейчас! – притворно испугалась Маша.

Кровотечение из носа у нее уже остановилось, но вид все равно был такой, что краше в гроб кладут. К тому же кровь с лица она не стерла, а скорее размазала, поэтому была похожа на вампиршу, у которой проблемы с застольным этикетом. Лари извлекла из кармана сверкающий белизной носовой платок и стала стирать следы крови с лица колдуньи.

– И все же как ты? – с сочувствием спросила демонесса.

– Чуть-чуть очухалась, – вздохнула Маша. – А вот сразу после того как щит продавила, думала, умру на месте. Сознание потеряла, даже не знаю, как внизу оказалась.

– Иваныч с управительницей и с женой Полухина тебя снесли, – сказал я. – Говорят, ты вообще без сознания была. На-ка вот, выпей...

Я достал из внутреннего кармана куртки плоскую серебряную фляжку, отвинтил пробку и протянул Маше. Та осторожно взяла ее и чуть не выронила – спасибо, Лари успела подхватить. Затем Маша понюхала с подозрением содержимое и спросила меня:

– А это что?

– Коньяк, – пояснил я. – Хороший, армирский, двадцатилетний. Он тебе сейчас лучше любого лекарства будет.

Для вящей убедительности я дважды щелкнул себя пальцем по горлу, показывая, что коньяк надо пить, а не смотреть на него.

– Давай, – легко согласилась Маша и сделала неслабый глоток из горлышка. Поморщилась, но вроде бы ей даже понравилось.

– Оставить?

– Нет, забирай, а то напьюсь, – протянула она мне фляжку. – Пусть поесть дадут, и я посплю. Сейчас ведь можно, верно?

– Верно. Сипаи раньше утра не подойдут, да и пользы от тебя на стенах сейчас... сама видишь.

– Вижу, – кивнула Маша. – А вы идите, у вас как раз дел полно.

– Это точно, только успевай разгребать, – вздохнул я и поднялся, опершись на колени.

Устал я все же зверски: самому поваляться в койке минут шестьсот было бы просто замечательно. «На спине посидеть», как любил выражаться старший унтер Парамонов, под чьим началом я служил попервости. Вроде и немного бегал, но после нашего набега на «Барабан» от переизбытка адреналина в крови до сих пор колотит, даже руки дрожат.

– Командир, ты что увял? – ехидно спросила Лари. – Пошли, там нас трофей дожидается, зря я его сюда тащила, что ли?

Я подхватил карабин с кровати, встал, потянулся. Помотал головой, как конь, чтобы согнать сон.

– Ладно, пошли, что еще остается.

Мы оставили Машу на попечение гостиничной управительницы, которая пообещала холить и лелеять нашу колдунью, а сами направились через темный двор форта в сторону комендатуры, за которой находилась гауптвахта.

Глава 3, в которой герой помогает командованию форта принять решение, а сам принимает другое – относительно своих планов

Где-то над нашими головами противно заныла мина – и затем с грохотом рванула посреди крепостного двора, хлестнув осколками по бревенчатым стенам казарм и выбив все стекла, до которых эти самые осколки дотянулись.

– Пошла пристрелка, – сказал капитан Шадрин, опуская бинокль.

– Похоже на то. Лишь бы самолеты не разнесли, – согласился с ним комэск Порошин, стоящий рядом с нами в тесном помещении НП,²⁹ что разместился на верхушке высокой башни, установленной посреди форта на манер донжонов³⁰ в замках местных баронов. С этой позиции мы могли обозревать все окрестности, а в случае прорыва противника внутрь даже сопротивляться. Хотя бы до тех пор, пока под основание башни не заложат хороший заряд динамита.

Справа от нас, из бетонного колпака дота, задолбила длинной очередью пулеметная спарка. Трассы потянулись к кустарнику на опушке леса, выбили там облака пыли и грязи, но больше никакого видимого действия не произвели.

Сипаи окружили форт с рассветом. Полковые короткоствольные пушки они разместили на закрытых позициях в лесу, а минометы, все восемь, которые у них имелись, рассредоточили по городской застройке, рассадив корректировщиков по чердакам.

Полковые пушки первыми начали пристрелку, и им сразу начали отвечать гаубицы форта, пытаясь их нащупать по командам корректировщиков с башни. К сожалению, противопоставить хоть что-то минометам, расположенным совсем неподалеку, форту было нечего. Гаубицы так близко стрелять не могли. Да и непонятно было, куда стрелять. Мины летели из города с разных сторон, и засечь позиции минометов было невозможно.

Опять хлопнули мины, одна почти в том же месте, где и первая, вторая – на дальней от нас крепостной стене, выбросив клуб дыма и рванув в стороны тучу щепок с толстого бревна частокола. В том месте, где стояли наши машины, пока ни одной мины не упало, но я прекрасно понимал, что это вопрос времени. И если все будет продолжаться в таком вот духе, то рано или поздно мы останемся безлошадными. Разнесут все в клочья.

Весь остаток ночи, до самого рассвета, мы с Лари, начальником разведки и комендантом гарнизона допрашивали пленного аколита ордена Созерцающих, так неудачно попавшего в руки нашей демонессе. Нельзя сказать, что добились мы от него многого: Созерцающий толком даже не знал, кто именно стоит за этим нападением, но одно обнадежило – он точно видел Пантелея с колдуном, возглавлявшим их отряд. Командовал ими старший жрец ордена, один из тех двоих, которых я застрелил в комнате еще в «Водаре Великом», чем, кстати, здорово спутал им карты, сам того не ведая. Тот самый шар, который остался стоять на столе, был амулетом, заряженным каким-то свехубийственным заклятием, которое применить и вызвать мог лишь покойный, сам его и составивший. Я подумал, что надо было бы прихватить игрушку от греха подальше, но не догадался. Принял шар за обычный амулет связи, разве что побольше и другого цвета.

²⁹ НП – наблюдательный пункт.

³⁰ *Донжон* – главная башня замка, чаще всего самая неприступная и отдельно стоящая, где можно укрыться всем обитателям в случае прорыва неприятеля в крепость.

Еще мы выяснили, что Пантелей, пообщавшись с Созерцающими, ушел в портал – только его и видели. И как с ним встречаться дальше, знал только убитый жрец, который эту шайку наемных колдунов привел. Так что в этом мы тоже оказывались в полете.

А еще пленный нас здорово разочаровал в одном: сообщил, что по реке в сторону Пограничного идет баржа с боеприпасами для минометов и полковых пушек. А мы-то надеялись, что осада форта пойдет теми запасами, которые сипаям удалось увезти с собой, отбиваясь от частей пришлых. А не тут-то было...

– Порошин, что делать будем? – спросил пограничник с петлицами штабс-капитана – начальник разведки гарнизона. – Раздолбят ведь все они из минометов. И до твоих птичек дотянутся рано или поздно.

– Дотянутся, – согласился комэск. – А что я могу сделать?

– Взлететь на «громовержце»³¹ своем, – подсказал Шадрин.

– С ума сошел?

У комэска чуть пилотка не свалилась – так резко он подкинулся.

– И как я взлечу? Все под обстрелом, с опушки бьют. Хорошо, что ворота ангаров в другом направлении, а то бы уже все «птички» издырявили. – Порошин помолчал, затем спросил: – Сколько продержимся здесь, как думаешь?

– Сколько-то продержимся, – подумав, ответил комендант. – День, два... Хорошо, что минометы у них не дивизионные, накаты над ангарами им не пробить, на совесть делали, а к воротам не подпустим. Главное, чтобы нашу артиллерию не раздолбали.

Комэск не меньше минуты молча кусал губы, затем кивнул:

– Надо что-то придумать. И без машин оставят, и нам здесь головы поднять не дадут.

– О том и речь, – пробормотал комендант, болезненно сморщившись при звуке очередного разрыва снаряда на стене форта. – А если гаубицы разнесут, чем рано или поздно все это закончится, – тогда вообще хана. Развалят стену с заграждениями – и войдут внутрь. Нас тут раз, два и обчелся.

– Ну нашу стену так просто не развалишь, – присоединился к разговору пограничный поручик, тот самый, что с нами прорывался, по фамилии Николаев. – Ее еще и заговаривали.

Бревна действительно были промаркированы рунами «Ир» и «Ас», означающими прочность и здоровье. И руны заметно излучали. В укреплениях это нормальный обычай. И для прочности заговаривают, и от гниения даже. Держались бревна крепко. Хоть попадания и повреждали дерево, но все же не так, как могло бы, будь оно обычным.

– Если из пушек долбить и долбить, то развалится, никакие заговоры не помогут, – буркнул комендант, явно страдающий при виде такой порчи вверенного ему имущества.

Я молчал, стоя рядом и в разговор не вмешивался. Но то, что положение складывается безвыходное, понимал уже без посторонней помощи. А каким ему еще быть-то, если нас в форте неполная рота, а вокруг чуть не бригада с приданными средствами? К тому же, насколько известно стало из сеанса прервавшейся связи, возвращавшиеся в форт пограничники в составе роты попали в толково организованную засаду, были подрывы на фугасах, и, понеся потери, подкрепление отступило на соединение с остальными подразделениями. Так что помощи ожидать пока не приходилось. И начальник пограничной разведки был прав

³¹ «Громовержец» – самолет огневой поддержки наземных войск, местной конструкции. Представляет собой моноплан-высокоплан с двумя моторами М-61 в поднятых над крылом гондолах. Вооружен двумя спарками крупнокалиберных пулеметов ПККБ-С, которые можно направлять на любой борт. Боекомплект каждого пулемета 2000 выстрелов. Кроме того, на борту имеются два четырехствольных пулемета «Коса» калибром 7,62x54R мм, построенных по чертежам пулемета ГШГ, с темпом огня 4500 выстрелов в минуту, с боекомплектом по 10 тыс. выстрелов к каждому. Экипаж самолета 8 человек. Эта машина очень эффективна при использовании против незащищенных наземных целей, автомобилей, пехоты и конницы. Моторы, баки и места установки оружия защищены противопульной броней.

на все сто – спасти нас мог только «громовержец» с его мощным вооружением. Взлететь, засесть минометы и разнести их в клочья вместе с расчетами – было этому самолету вполне по силам.

Но сначала надо взлететь, а для этого его следовало завести, выкатить из ангара, проехать на нем до начала полосы, развернуться, разогнаться, оторваться от земли, набрать высоту... И все это под винтовочным и пулеметным обстрелом. А возможно, и артиллерийским. Больше похоже на попытку самоубийства. Противник как раз по другую сторону аэродрома пристроился, на опушке леса. Правда...

– А что, у вас за летным полем вал, что ли? – спросил я комэска.

– Нет, естественный бугор, – покачал он головой. – Но полосу так проложили, чтобы из леса никто не пальнул в самолет, если банда какая налетит. Мы же днем их обычно открыто держим.

– Так саму взлетную полосу обстреливать не получится?

– С фланга не получится. А продольным огнем она накрывается запросто. Про артиллерию молчим, – ответил разведчик. – Ты нас за дураков-то не держи.

– С какой стороны простреливается? Отсюда не пойму... – спросил я, шаря стеклянными буркалами бинокля по лесным опушкам.

Возле наблюдательных щелей бетонной коробки НП начали биться пули, но внутрь пока не залетали. Щели здесь по уму сделали: и рикошета не будет, и попасть в них даже снайперу сложно, и смотреть наружу удобно, мертвых зон нет.

– Простреливается с обеих сторон. При развороте самолет обязательно подловят, и при взлете будут прямо в брюхо лепить, – сказал комэск.

– И что? – оживился, словно поймав какую-то мысль, начальник разведки. – Глубина порядков у сипаев наверняка никакая, оттуда же они прорыва не ждут. Считай, одна шеренга обстреляет, и та редкая. Крупнокалиберных пулеметов мы у них пока не заметили, единые бьют. Вполне может взлететь машина.

– Взлететь может, – вздохнул летчик. – Но пока эта корова летающая разворачиваться будет на престоарте, его из обычных пулеметов успеют в клочья разнести. И площадь плоскостей у него такая, что только слепой не попадет.

– А снайпера на что? Есть снайпера в форте? И весь огонь на ту сторону резко перекинуть, чтобы голову поднять боялись. И успеет развернуться, – оживился я.

– Можно попытаться, – задумчиво сказал комендант. – Если скрытно огневые средства подтянем на ту сторону да ударим разом – головы они точно попрячут. И дым опять же можно пустить. Как взлетать с дымом? Получится?

– Если по уму пускать, а не все вокруг затянуть, то получится, – кивнул Порошин. – Сам машину поведу, взлетим. И делать это надо завтра с рассветом. На левом фланге задымим, на правый фланг солнце в глаза будет, а когда взлетим – то и рассветет. И со светом ударим.

– Тогда надо пытаться, – сказал комендант. – С чего начнем?

– С того, что спросим зампотеха, когда он намерен установить и запустить движок с «аннушки», что я приказал ему переставить. «Громовержец» у нас сейчас на одном моторе, – ответил Порошин, а мне сразу вспомнился случайно услышанный разговор его со штабс-капитаном – начальником техслужбы эскадрильи.

Действительно, если дело на первый взгляд казалось безнадежным, то по некотором размышлении таковым уже не выглядело. В любом случае стоило попытаться, потому что было ясно – не сейчас, так к вечеру, в крайнем случае под утро, но нас сомнут. Бетонные колпаки дотов минометам не взять, но стены с проволочными заграждениями развалят, пушки разобьют, дыма напустят и всей массой в форт ворвутся. И тогда, как выразился персонаж из романа Стивенсона, «живые будут завидовать мертвым». Средневековье, чего же вы хотите?

Обстрел все усиливался, и я выглянул в амбразуру, обращенную во двор форта. Там никого видно не было, все укрылись в вырытых и обустроенных за вчерашнее щелях. Лари

была с Машей, которая к утру более или менее оклемалась и была способна самостоятельно ходить и даже бегать, если недолго. Когда во дворе разорвалась первая мина, до щели она все же скорее добежала, чем дошла.

Машина все еще была цела. На дощатых дверях, снятых с сарая, которыми я ее укрыл спереди, видны были в бинокль следы осколков, но сама машина невредима, за исключением тех дыр, что я заполучил при прорыве. Стена форта защищала ее от прямого попадания, мины рвались дальше. Ну и слава богам, мне вторую такую по деньгам ни за что не потянуть. А вот стоящий рядом с моей «копейкой» серый «полевик» Иваныча, содержателя гостиницы, пострадал. Даже радиатор вытек, под капотом и передними колесами пикапа растеклась немалая лужа. Вот такие дела у Иваныча – машина накрылась, да и гостиница, видать, недолго простоят. Застрахован хоть?

Прямо над нашими головами, над бетонной крышей НП, разорвался шрапнельный снаряд. Даже из-под толстого слоя железобетона были слышны визгливые рикошеты от бетона свинцовых пуль, которыми он был начинен. К счастью, такой поворот событий предвидели, и щели в крепостном дворе имели еще и противошрапнельные козырьки.

– Всерьез они за нас взялись, – сказал комендант.

– Похоже на то, – согласился начальник разведки.

Затем вражеская батарея после первого пристрелочного выстрела дала залп, и над фортом разом расцвели четыре серых облачка шрапнельных разрывов. Затем еще четыре – это ударила вторая батарея. Похоже, противник рассчитывал шрапнельным обстрелом блокировать перемещение подкреплений по территории форта, а минометами нанести основной ущерб. Мины тоже били по территории с завидной методичностью.

С нашей стороны, но довольно вяло опушку леса обстреливали ротные минометы, кидающие свои легкие мины в ту сторону с резкими хлопками и противным визгом. Не думаю, что от их огня эффект будет, но не сидеть же вообще без дела!

– Так, даю команду на подготовку машины, – сказал комэск.

Я перевел бинокль на речную пристань, которая неплохо просматривалась с этого места. Столб черного дыма, поднимавшийся от взорванных сторожевиков,³² уже развеялся. Оба кораблика лежали с огромным креном в воде, сев на дно, задрав стволы пушек в небо. Там, кстати, кто-то суетился – похоже, потопленные сторожевики решили раскулачить. Ну это дело понятное. Кто удержится... Интересно, командир отряда речной стражи живой еще? Если нет, трибунал ему гарантирован. А затем рассвет, стенка и отделение комендачей. Такое головопотяпство никому не прощают.

Там было пришвартовано немало самоходных барж, и даже небольшой лесовоз с грузом досок. А вот противника возле пристаней особо видно не было, разве что иногда пара голов мелькала за баррикадой, собранной из штабелей кирпича. И на баррикаде пристроился «максим» на треноге. Верно, кто к пристани прорываться будет? Это или через весь город идти, занятый противником, или спрыгивать со стены да бежать вдоль нее под обстрелом из леса. Нереально на первый взгляд. Пулеметного расчета на оборону за глаза хватит.

Но у меня между делом созрела одна идея, довольно сумасшедшая, но при правильном исполнении – вполне выполнимая. Главной ее составляющей было то, что взлет «громовержца» наделает паники и суеты в рядах противника, у нашей Лари есть амулет «Покрывало тьмы», а взлет самолета намечен на самый рассвет. Порознь эти факты ни на что не влияют, а вот собранные вместе вполне даже обнадеживающе выглядят. И если все правильно сде-

³² *Сторожевой катер* – класс легкобронированных кораблей, вооруженных двумя артиллерийскими установками калибром 76,2 мм в башнях, двумя «спарками» пулеметов ПККБ-С калибра 12,7 мм. Предназначены для патрулирования фарватеров, борьбы с пиратством и охраны торговых караванов. Длина катера – 34 м, ширина – 4,3 м в миделе, осадка – 1,5 м, водоизмещение нормальное – 71 т, дальность плавания экономическим ходом – 820 миль, скорость максимальная/экономическая – 22/16 узлов, экипаж – 18 человек.

лать, то под шумок можно будет свалить из форта. Проявив, так сказать, должное нахальство. Но к этому нам, как и комэску, нужно подготовиться. Поэтому я, ни говоря никому ни слова, благо не на службе, бросился вниз по лестнице, прочь с башни.

Следующий шрапнельный залп, еще больше загадивший дымом голубое небо над фортом, я переждал за железной дверью внизу. Затем пробежал метров пятьдесят и успел укрыться в щели с пограничниками, когда воздух над нами разорвал залп следующий. Интересно, сколько они еще смогут подобный темп стрельбы поддерживать? Стволы-то греются, а потом и откатники потекут.

Совсем рядом с нами шарахнула залпом батарея гаубиц – так, что уши заложило. Прислуга тоже была укрыта козырьками, и мины пока на позицию батареи не падали, хоть вокруг было немало воронок. Снаряды улетели куда-то вдаль, куда показывал невидимый нам корректировщик, где и разорвались четырьмя тяжелыми ударами.

Я опять побежал – и до следующего залпа противника успел укрыться в казарме с выбитыми окнами. Цепочка разрывов выстроилась вдалеке от меня, и я пожалел, что укрылся. Вполне мог бежать дальше. Дождался залпа второй батареи, такого же нацеленного в дальний угол двора, после чего опять рванул вперед и через минуту спрыгнул в щель рядом с Машей, Лари и компанией гномов, между делом присоединившихся к нам.

– Маша, как ты? – спросил я у колдуньи первым делом.

– Уже нормально, – улыбнулась она. – Колдовать всерьез пока не могу, а вот ходить-бегать – уже запросто. И стрельнуть могу, если надо.

Действительно, у нее на коленях лежал трофейный СКС-М – тот, что я прихватил в «Барабане», перед тем как его поджечь. Не зря прихватил, пригодилось – вооружили вот человека.

– Судя по виду, ты что-то задумал, – сказала вдруг Лари, сидевшая на рюкзаке и занимавшаяся полировкой ногтей. Артиллерийский обстрел форта ее как будто не касался, настолько спокойной она выглядела.

– Как ты догадалась? – поразился я.

– Сказала же, что по виду, – ухмыльнулась тифлингесса. – Вид такой, будто ты у бабушки из буфета банку варенья украл и уже понял, что она вся твоя, до последней капли. Так говори, не томи.

– Надо нам из форта мотать. Потому что здесь мы радикально на происходящее повлиять не сможем – разве что отстреливаться со стен будем наравне со всеми.

– А что предлагается? – спросила Лари.

Гномы, до того бубнившие рядом и курившие трубки, замолчали и обернулись к нам, прислушиваясь к разговорам.

– Предлагается двинуть дальше по маршруту. Все равно все это... – обвел я рукой грязноватые стены укрытия, – все это управляется или самим Пантелеем, или через Пантелея. Все сходится. Значит, нам надо идти за ним – глядишь, и удастся повернуть дело так, что им станет не до осады форта и не до всего прочего.

– Это почему? – пробасил старейшина Рарри, решив не оставаться в стороне. – Что им помешает?

– У них поддержка идет со стороны баронства, – объяснил я. – А это неправильно. Барон Виращ всегда Созерцающих в куски рвал, а не на помощь звал. Так?

– Верно, – кивнул гном. – Года три назад сами видели, как троих таких в Вираще казнили.

– Это первое, – продолжил я, загнув один палец, а сразу за ним второй. – А второе – то, что сам барон, весельчак и бабник, раньше никогда бы в такую авантюру не ввязался. Баронство у него богатое, сытое, жил с Тверью в мире, торговал. Девочек любит, праздники и все такое. И тут вдруг давай такую бучу поддерживать. Странно выглядит, не находишь?

– Странно, верно, – согласился старейшина. – Мы тут это дело обмозговали и прикинули, что Виращкому баронству уже кранты. Сейчас Тверь отобьется да туда походом и двинет – за наглость такую покарать. А ты что думаешь об этом?

– А мы почти и не думаем, – ответила вместо меня Маша. – Мы почти что точно знаем. Есть колдун, умеющий заменять в живом человеке одну душу другой.

– В смысле? – не понял гном и посмотрел в мою сторону, ожидая разъяснений.

– В смысле, что можно тебя оставить таким как есть, но в твоё тело поселить меня. И тогда старейшина Рарри останется существовать для всех, кроме него самого.

– И?

– Есть у нас такая мысль, что барона Вираща давно в его теле нет. А есть кто-то другой, такими безобразиями занимающийся. Кому на само баронство плевать. И хотим мы до этого специалиста, что души с телами меняет, добраться.

В общем-то информация секретная, но гномы мне были бы в данном случае куда как полезны. Личного состава у меня недостаток, а также транспорта.

– И что предлагаешь? – спросил гном. – На чем бежать-то собираешься? Только не говори, что пешком: не поверю.

– Баржу самоходную захватить, – сознался я. – Я с НП смотрел на пристань, там охраны вообще никакой, пара человек. Никто нападения не ждет.

– А чего его ждать? – удивился Рарри. – Никто и не нападет. Ты дойди сперва до пристани. До того момента не то что убить – на ремни распустить успеют.

– Верно, – согласился я. – Но есть варианты.

– Это какие? – заинтересовался гном.

Я перечислил ему то, что знал. А для вящей убедительности, поняв мою задумку, Лари показала гномьему старейшине амулет «Покрывало мрака», который произвел на него заметное впечатление.

– Я смогу еще заклинание незначительности на нас наложить к тому времени, – добавила Маша. – Силы уже будут. А у них магов выбили. В любом случае с той стороны стены их быть не должно. Маг – персона важная, он в городе с комфортом устроится.

Тут все четверо гномов так плотно задумались, что мы вроде бы даже слышали, как у них мозги скрипят.

– Выглядит... возможным, – сказал после минутной паузы Балин-с-салфеткой. – И каким маршрутом пойдем?

– Как я сюда шла, – сказала Лари. – По гребню городской стены, за первый ряд домов и баррикады. А там можно спуститься. С амулетом, и, если Маша еще глаза отведет, точно успеем пройти. Никто из магов не будет за этим местом специально следить.

– Сторожки поставить можно, – возразил Рарри.

– Можно, – сказала демонесса. – Но у нас колдунья, которая их снимать умеет, и охотник, который их за версту чувствует.

– Иной сторожок я могу просто переставить, даже не заподозрит никто ничего, – добавила Маша.

– Вот как? – хмыкнул старейшина, затем спросил у меня: – Правда? Чувешь?

– Чую, – кивнул я. – Дар у меня такой.

– Наши там еще в городе. Может, найдем? – заговорил Орри Кулак.

– Как их найдешь... – вздохнул горестно Рарри. – Сгинули небось. Там до сих пор стрельба местами, в городе-то.

– Раз стрельба, то, может, и не сгинули, – логично возразил Балин-без-салфетки. – У городской управы до сих пор стреляют. Там же подвалы каменные с бойницами, в хранилище резерва городского. Если там засесть, то пушками не вышибить. Год можно отбиваться. А наши примерно в то место и пошли, к банку.

– А чем им там отбиваться-то? – возразил Балин-с-салфеткой. – У них с собой по револьверу да по дюжине патронов было, как у нас всех. Даже их винтовки у нас.

Он кивнул на упакованный выюк с винтовками – «маузерами» гномьего образца. Гномы на всякий случай все свое имущество в щель затащили. Но им можно, они же ее и выкопали, и перекрыли, и женщин моих туда укрыться пригласили. Хоть и заняли своими тюками больше половины пространства.

– Значит, с рассветом предлагаешь выбраться? – спросил Рарри.

– Чуть раньше, – ответил я. – Чтобы когда суета со взлетом начнется, двинуться к пристани, а когда самолет начнет по минометам бить, напасть на пулеметчиков у пристани.

– А если не взлетит самолет? – спросил Балин-с-салфеткой.

– Будем решать проблемы по мере их возникновения, – обтекаемо ответил я. – Годится?

– Вполне, – кивнул Рарри. – Теперь себя как у бога за пазухой чувствую. В полной безопасности.

– Или у богини, – поддакнул Балин-без-салфетки. – У Истары, у нее сиськи больше всех.

– Сам ты сиськи, – буркнул Орри Кулак, но развивать мысль дальше не стал. – Все пойдём?

– Не все, – мотнул круглой башкой в шлеме Рарри. – Ты пойдешь. Ты водила. Поможешь, случись чего, и тебе отличиться надо за утраченную машину. И он пойдет.

Короткий толстый палец старшего гнома уперся в кольчужное плечо Балина-с-салфеткой. Затем Рарри сказал, обращаясь ко мне:

– Он механик, так что польза будет. А мы вдвоем здесь останемся – наших дожидаться, или искать. Тех, что в городе застряли. Нам в неизвестности их оставлять не годится. Род не помет.

Глава 4, в которой герои крадутся по стенам, катаются на броневике, много стреляют и меняют сухопутный путь на водный

Весь день я провел перебегая с одной позиции на другую со своей крупнокалиберной «секирой» в обнимку. Пристраивался и на НП, и в пулеметных дотах, и просто на стене форта, высматривая пулеметы противника. И два подкараулить все же сумел. Одному «максиму» я бронебойной пулей разнес всю ствольную коробку так, что из нее какие-то детали полетели. Удачным выстрелом убил пулеметчика за «шварцлозе», а затем, пока его место никто не занял, еще двумя разнес сам пулемет на составные части. Пулеметы как раз и были бы самой большой помехой для «громовержца», когда тот соберется взлетать.

К середине дня артобстрел со стороны противника немного затих, но беспокоящий огонь они вести продолжали. Одну казарму удалось зажечь, и она разгорелась как костер, заволакивая все вокруг дымом, заставляя щурить слезящиеся глаза. Потушить не удавалось из-за непрерывных разрывов шрапнели. Да и похоже, что снаряд, который подпалил здание, был с какой-то колдовской добавкой – очень уж скоро все занялось, будто каждое бревно бензином пропиталось.

Втянулась в дело даже Лари, до того момента державшаяся индифферентно. Она присодинилась ко мне, расчехлив и прихватив мою СВД, и даже несколько раз довольно удачно выстрелила, свалив кого-то из солдат противника. И стрелять она умела, ничего не скажешь.

В конце концов мы с ней добрались до того угла стены форта, который смыкался со стеной городской. Именно к нему она шла сегодня ночью со стороны города – только спустилась раньше, за гостиницей. Я аккуратноенько выглянул за край стены, посмотрел вниз – разница по высоте с настилом для патрулирования на городском частоколе была метра три. Спуститься проблемы не будет.

Еще с этой позиции был хорошо виден город, до самой дальней стены. Не все, разумеется, скорее видно было скопление двускатных крыш, но просматривались несколько улиц, и хорошо видны были баррикады, за которыми сидели стрелки противника, окружившего форт.

На штурм сипаи не шли. По крайней мере, нигде никакой суеты, скопления войск, подобных и подходящих вещей мы не заметили. С НП было хорошо видно, как они заняли весь город, в котором до сих пор местами слышалась стрельба. Мы даже разглядели оба броневика «гладиатор»,³³ как те мелькнули на видневшейся в конце главной улицы торговой площади и исчезли за заборами. Затем один из них появился в конце улицы и в течение пары минут довольно бодро обстреливал башню НП из своих спаренных «максимов». Однако, после того как на него перенес огонь один из крупнокалиберных ПККБ-С, броневик быстро убрался за угол.

Затем засекли нас и энергично обстреляли из винтовок. Пришлось укрыться, а затем и спуститься во двор – место пристреляли и при каждом нашем шевелении в бревна врезалась целая стайка винтовочных пуль.

³³ На вооружении дружин и армий Старых княжеств часто стоит броневомобиль «Гладиатор» – сделанный на манер германского SdKfz 222, на базе внедорожного грузовика ГАЗ-63, со спаренными «максимами» или «шварцлозе» в простой, открытой сверху башне. Привод на четыре колеса, мотор сзади, противопульное и противоосколочное бронирование, максимально простая, но довольно надежная конструкция. По боевым качествам заметно уступает «Змею» и «Виверне», стоящим на вооружении армий Новых княжеств.

Затем я опять, пользуясь своим непонятным статусом представителя контрразведки, забрел на НП и в течение часа, наверное, глазел в наблюдательную щель на суету возле ангаров. К счастью для технарей их эскадрильи, ворота форта, ведущие налетное поле, не просматривались и не простреливались ни с одной стороны.

Время от времени нашим наблюдателям удавалось засечь какие-то демаскирующие признаки батарей противника, и в ту сторону начинали долбить наши четыре гаубицы. Однако результат оставался не виден, а поскольку противник стрельбу побатарейно оставил и огонь велся реже, сказать, сколько работает пушек с его стороны, было нереально.

Минометы били прямо из города, устроившись где-то за домами, и потому были совершенно неуязвимы. Противнику нашему в уме грех отказывать – таким манером они взяли в заложники весь город и теперь спокойно могли посылать в форт мину за миной, не опасаясь получить в обратку пудовый снаряд из нашей гаубицы. Да и по траектории не получалось их поразить, без того чтобы не развалить половину жилого фонда. И куда стрелять? Их так и не было видно.

А стрелять по городу нельзя категорически, потому как население здесь смешанное и вообще в приверженностях неустойчивое. Даже пришлые сюда селились все больше самостоятельные, с собственным мнением по любому вопросу. Торговали, открывали фактории, работали, а место-то здесь известно какое – величайшее Дурное болото под боком. Если на такую публику наплевать и начать их дома жечь, у них позволения на то не спросив, рискуешь получить вместо пограничного городка бандитский край. Бывало уже такое в истории Новых княжеств – откуда Гуляйполе взялось? Вот так там все и начиналось.

С темнотой обстрел практически затих. Даже винтовки почти перестали постреливать. Мы вернулись к своему биваку у щели и даже поспали. Проснулись часа в четыре ночи, и я вышел аккуратненько через ворота на летное поле – посмотреть, как идет работа в ангаре с «громовержцем».

Работа кипела, хоть старались технари не шуметь. Пятнистая зеленоватая туша самолета была буквально облеплена техниками в синих комбинезонах. Там же стоял у затянутой брезентом двери Порошин, наблюдавший за работами. Я подошел, спросил:

– Ну что, успеете?

– Должны, – ответил комэск, не отводя глаз от машины. – Еще на час работы осталось. Как раз успеваем. Плохо только, что погонять движок не удастся: шум подыдем. Наугад полетим. Мне начрзведки сказал, что вы за стену собрались?

– Собрались, – подтвердил я.

– Под наши пулеметы не попадите. Сипаи все минометы в город затащили, там их крошить будем.

– Попытаемся от них подальше держаться. Если баржу отчаливающую увидите – не трогайте. Это мы наверняка, – предупредил я.

– А если не одну баржу?

– То мы на первой по-любому. А вторая уже за нами гонится.

– Это не пойдет, – заявил он решительно. – Знак давайте. Зеленая ракета и фальшфейер на носу. Тогда не тронем.

– Нет у нас ракет. Дадите?

Порошин молча пошел вглубь ангара, затем вернулся, неся в руке несколько картонных цилиндров ракетниц и фальшфейеров. Протянул все это мне.

– Держи. Но если противник повторить сигнал сумеет, за последствия не ручаюсь.

– Ни хрена себе перспективка, – усмехнулся я.

– Какая есть, – пожал плечами комэск. – Что я могу еще сделать? Тряпку возьми какую-нибудь, белую например, растяни по палубе. Будет допсигнал.

Мимо нас прокатили тележку с крашенными шаровой краской патронными коробами к четырехствольным «косам». «Косы» были самым эффективным оружием этого большого самолета, особенно против конницы и стайных тварей. Крупнокалиберные спарки были предназначены для уничтожения машин и легкой брони, а вот две «косы» косили пехоту. С тех пор как по найденным где-то чертежам, с подачи нижегородского инженера Терентьева, начали производство этих скорострельных пулеметов, те же эльфы во время конфликтов почти полностью отказались от дневных переходов по открытой местности и от передвижения верхом.

Стоило такому «громовержцу» обнаружить отряд, как судьба его оказывалась решена. Ответный обстрел с земли редко имел даже маленький успех – места установки оружия и стрелки были прикрыты бронешитками, равно как экипаж и два звездообразных мотора, поднятых над высоко расположенными широкими крыльями, – зато две «косы» сметали с поверхности земли все, что не было укрыто броней. А для брони был ПККБ-С.

– Какой сигнал дадите о готовности? – спросил я. – Чтобы знать, лезть уже за забор или погодить...

– Где будете? У третьей вышки?

– Так точно.

– Вестового пришлем.

– Понял, спасибо, – поблагодарил я. – Но вообще я к вам по другому делу. Понимаю, что некогда и все такое, но это важно.

Порошин вновь обернулся ко мне:

– Что случилось?

– Телеграммку-то нам уже не дожидаться о моих полномочиях, а поиски я продолжаю. Мне бы хоть одним глазком посмотреть на ту бумагу, что от «землемера» осталась. Важно может быть.

Порошин секунду подумал, затем кивнул.

– Резонно. Пойдете в строевую часть, там найдете, – сказал он, затем крикнул так, что эхо загуляло по ангару: – Резвунов!

– Я! – послышалось почти что из-за спины, и откуда-то из-за полка с инструментами выскочил давешний младший унтер, любитель женских романсов, на этот раз не в кавалерийских сапогах, а в перепачканном маслом рабочем комбинезоне. – Слушаю, господин капитан! – предстал он перед комэском, лихо щелкнув каблуками потертых берцев.

– Возьмешь гостя и отведешь в канцелярию. Точнее, найдешь Попова, он где-то возле штаба в щели должен отсиживаться, передашь гостя ему. Скажешь, я приказал найти для него бумаги, что привез нам чиновник из Земельной управы, который с Варенецким летал. И отдать. Как понял?

– Так точно, все понял, – браво отрапортовал Резвунов. – Разрешите идти?

– Момент.

Порошин достал из кармана блокнот, что-то быстро написал в нем, вырвал листок и отдал Резвунову:

– Писарю дашь. Дуйте.

Резвунов «дунул» бегом – так, что я за ним еле поспевал. Пробегая через крепостной двор, заметил некое оживление. После того как обстрел стих, люди расслабились. В некоторых местах собрались возле щелей компании отдыхающих, слышались разговоры, сверкали огоньки папирос. Что-то куда-то таскали, артиллеристы банили стволы гаубиц, готовя их к завтрашнему бою.

У здания штаба эскадрильи Резвунов резко остановился и выцепил из кучки сидевших на краю щели, свесив в нее ноги, бойцов какого-то молодого лопухого ефрейтора с веснушчатым лицом.

– Попов! – окликнул он его, делая ударение на первое «о». – Комэск приказал тебе с человеком поработать.

– На предмет? – не обратив внимания на вольности с фамилией, осведомился тот.

– Найдешь ему бумаги сопроводительные, что привезли землемеры, которые с покойным Варенецким над Дурным болотом летали. И отдашь.

– Понял. Сделаю, – лаконично ответил ефрейтор и жестом пригласил меня следовать за собой.

Резвунов убежал, а мы вошли в здание штаба. Зданию досталось за день. Даже в вестибюле крыша была пробита в двух местах, судя по всему прямым попаданием мин. Стекла были выбиты все, местами виднелись язвы от шrapнели. Большинство кабинетов открыты, в одном заметны следы затушенного пожара. Мы пробежали до конца коридора, затем Попов отпер дверь с табличкой «Канцелярия».

– Нам сюда.

– Не вывезли канцелярию, что ли? – удивился я.

Вообще-то так недолго и без всех бумаг остаться. Странная безалаберность. У таких не то что город захватят, а штаны снимут на ходу.

– Шкафы железные, от огня заговоренные. Ничего не случится. А мина из батальонника пробить крышу, потолок и шкаф одновременно не сможет. Вот и скомандовали оставить как есть – все равно никто отступать не собирается, и вывозить ничего не нужно, – пояснил писарь.

Я мысленно взял все слова о безалаберности обратно. Хорошо, что вслух их не произнес.

Писарь открыл один из шкафов, покопался в нем пару минут, подсвечивая себе крошечным фонариком, затем протянул мне лист бумаги, сунув его в картонную папку:

– Вот их сопроводилка.

Я раскрыл папку, посмотрел. Бумага оказалась вполне нормальной – стандартный бланк «Распоряжение» с шапкой «Е. К. В. Контрразведывательный департамент Министерства благочиния», со всеми степенями защиты. Подделать невозможно. В распоряжение внесены «землемер-инженер Потапов Б. В., штабс-капитан контрразведки Пилюгин В. Л., титулярный советник по Департаменту контрразведки Ягодкин И. И.». Все нормально. Инженер, штабс-капитан из силовиков и колдун в гражданском чине.

– Попов, ты их лично видел? – спросил я у писаря.

– Видел. Сам документ принимал, – кивнул тот.

– Охрана с ними была? И какая?

– Странно с охраной... – сморщился, вспоминая, писарь. – У них всего двое были из контрразведывательного спецназа, а еще четыре человека – сипаи. Я еще удивился, почему такой странный состав.

– Спрашивал?

– Нет, по чину не положено, – усмехнулся он. – Но запомнил. И что еще удивило – на трех «козлах» приехали, а у контрразведки охрана всегда на «копейках», это все знают.

– Точно, – согласился я.

Легкие и практичные «козлы» используются все больше как машины курьерские или командирские, но вовсе не для перевозки солдат и установки оружия. Ну сами инженер, колдун и штабс-капитан на «козле» могли приехать, это еще понять можно, но сопровождение должно быть на «копейках», а то и вовсе на «горгулье». ³⁴ Непонятно одно – откуда мог взяться бланк распоряжения?

³⁴ РПБА-1 «Горгулья» – легкий плавающий броневик, выполненный на базе все того же ГАЗ-62. Конструкция его взята со «старосветского» БРДМ-1, только в связи с уменьшением линейных размеров вместо четырех выдвижных колес у машины всего два. Бронирование противоположное, вооружение – пулемет ПКБ с боекомплектом 1200 выстрелов. Вариант меньшей вместимости, но лучше вооруженный, с пулеметом 12,7 мм «Утес» и соосным ПКТ в конической башне, именуется «Вивер»

– Ладно, спасибо за сведения, – поблагодарил я писаря, пожал ему руку и выбежал из штаба в крепостной двор.

С Лари столкнулся у изрядно побитого разрывами здания штаба пограничного батальона, где она напропалую кокетничала с начальником разведки и комендантом. Увидев меня, сделала им ручкой и пошла навстречу.

– Ну что скажешь? – спросила.

– Похоже, что взлетят, надо готовиться к выходу. Амулет сработает? Я слышал, что ему восстанавливаться долго надо.

– Верно, но он не одноразовый, а по времени работы. Около часа может продержаться «покрывало», так что минут тридцать у нас есть. А вообще, его потом даже наша Маша сможет зарядить, это несложно.

– Хотелось бы. А откуда он у тебя? Дорогая игрушка.

– Василий подарил. На прощание, – чуть улыбнулась она, и я задумался, не издаст ли еще и становой пристав Степан Битюгов ордер на арест «барышни Ларии из Билара» за хищение ценного амулета?

Так, за разговором, дошли до «нашей» щели, вокруг которой так все и расположились. Гномы даже разожгли маленький костерок в ямке, и теперь над ним повис закопченный чайник. Очень кстати, заставлю снова всех попить травок для ночного зрения. Не сильно, но помогает. А это иногда критично. Вообще, гномы лучше нас в темноте видят. А на свету – хуже. Отчасти поэтому они и стрелки так себе. Вот Лари хорошо, у нее к особенностям физиологии еще и мистика примешивается. Даже глаза меняются – с человеческих на нечто вроде кошачьих.

Я опять искоса взглянул на демонессу. Эх, ну до чего же хороша. Понимаю, что не человек, и красота демонического происхождения, но... прямо волна от нее исходит и накрывает, этакое... теплого, темного, блаженного... Я амулет-то, кстати, надел? Да здесь, на месте... А чего это я так расчувствовался? Вот так, думаешь, что волшебство, а причины естественные все больше работают.

Гномы молча паковали рюкзаки, что-то передавали друг другу, а затем Рарри протянул Орри Кулаку продолговатый кожаный чехол и сказал на двергском:³⁵

– Смотри, как от сердца отрываю!

Орри раскрыл чехол, и у меня сердце замерло. Ну надо же! В первый раз вживую это вижу. «Шестисотка»! Кто-то из людей в свое время заказал гномам ружье «экспресс» под сверхмощный калибр «.600 нитро» – совершенно кошмарный по своей силе нарезной патрон, пуля из которого сбивала с ног тур-ящера,³⁶ причем независимо от того, в какое место попадала. Если в ногу, так тот аж переворачивался. Образцы или чертежи такого патрона никто уже толком не знает, каким чудом попали в Великоречье из старого мира. Гномы патрон сделали, И штуцер под него сделали, с горизонтальными стволами, дорогой до невозможности. Заказчик был членом княжеской семьи из Ярославля, так что денег не считал.

Гномы же вообще любители больших калибров. Они их убойностью подчас компенсируют недостаток меткости. Достаточно сказать, что винтовки «маузер» для них Тверской княжеский арсенал производит калибра 9,3х64 мм, точнее даже – 9,3 «Бреннеке», но такое непонятное название у нас не прижилось. Но патрон этот такой... попадет – снесет. Им только

ной». А смысл имен: и горгулья, и виверна – это некие хищные твари, которыми достаточно богато Великоречье.

³⁵ Гномий язык называется людьми двергским – от одного из имен гномьего племени, которыми их наградили люди. Сами же гномы зовут себя «казад».

³⁶ *Тур-ящер* – травоядное, но очень агрессивное пресмыкающееся, покрытое мощной роговой броней, и с головой, увенчанной четырьмя торчащими вперед острыми рогами. Весит до 4 т, сбивается в стада. На дороге такому лучше не попадаться, но при этом является объектом спортивной охоты, да и промысловой – панцирь и рога ценятся ремесленниками. Порошок из рога повышает мужскую потенцию.

пещерных медведей бить, но гномы его основным армейским взяли. Им-то что, пенькам каменным. Им такая отдача – как мне моя, от уставной СВТ-К. И уши не закладывает.

Отвлёкся. В общем, взялись гномы выпускать патроны шестисотого калибра и штуцеры под них. И великолепно на них зарабатывали – один штуцер стоил как две моих «копейки». Для себя же делали оружие попроще в устройстве – магазинные винтовки на три патрона. Я из такой стрелял. С ног отдача не сшибала, но ощущение, что не ты стрелял, а в тебя – метя в плечо, причем из пушки – возникало. Я еще тогда подумал, что больше четырех или пяти выстрелов подряд из такого оружия не выдержу. Оглохну, или плечо отсохнет. И в общем, с тех пор таких штуцеров не видел. А тут на тебе! Самая настоящая горизонталка со стволами из серой матовой стали. С ложем из драгоценного синего дерева, родственника эльфийского мэллорна, с серебряной инкрустацией на ней и с затейливым рисунком на стволах. Это точно личная игрушка Рарри, кому еще на такое... хотя у гномов все может быть. Они же сами себе мастера, и какой-нибудь водитель на досуге вполне может себе изготовить «экспресс» невероятной стоимости, но не на продажу, а для личного пользования. Все, что на продажу, у них через главу рода идет, чтобы цены не сбивать.

В общем, если понадобится нам сразу двух драконов с ног свалить двумя выстрелами, попросим Орри. Если он, дракон, до того с хорошего расстояния в прицел моей «секиры» не попадет. Но с моей разборной снайперкой с рук много не повоюешь – только с упора, с удобной позиции, а «экспрессы» тем и хороши, что можно в зарослях и лабиринтах с ними охотиться. Весом и размером не пугают. Если даже каменный тролль на тебя выскочит, одного выстрела хватит, в любое место, чтобы он, даже не умерев, в нокаут часа на два отправился.

Но мне такие игрушки не по плечу и не по карману, так что пользуюсь в таких ситуациях своей обрезанной «вампирской» вертикалкой десятого калибра, заряжая ее длинными патронами с тяжелыми пулями моей конструкции.

Я тоже паковал все, что можно с собой. «Секиру» пришлось оставить на хранение Полухину. Тяжелая, не донесу. СВД прихвачу – пока гномам отдам нести. Боекомплект к ней не проблема: и калибр как у СВТ-К, и магазины взаимозаменяемые. «Вампирка», разделенная пополам, улеглась в специальных карманах моего рюкзака, по бокам. Я ее, таким образом, смогу достать, рюкзака не снимая. Отпущу карабин болтаться на ремне, расстегну хитрые застежки снизу, и в левую руку мне вывалится блок стволов, а в правую – приклад с ударно-спусковым. Сам конструкцию рюкзака придумывал, и на заказ его делали.

Лари тоже не торопясь навинтила глушитель на свой разукрашенный «аспид». Посмотрев на ее пистолет, я вспомнил наконец о своем трофее – таком же инкрустированном оружии, что захватил в «Водаре Великом». Выловил пистолет из рюкзака и протянул старейшине Рарри.

– Не знакома работа? – спросил я гнома.

Тот повертел оружие в широких ладонях, поднес поближе к огню, заглянул в затвор, выщелкнул и вставил обратно пустой магазин:

– Знакома. Оружие мастер Барри переделывал, из наших. Заказная работа.

– А узнать, для кого делал, никак нельзя? – обнадежился было я.

Рарри полез во внутренний карман своей кожаной куртки, достал складной нож с кучей инструментов. Толстым желтым ногтем откинул отвертку и сноровисто отвинтил накладную костяную щечку с рукоятки. Перевернул внутренней стороной, показал мне.

– Читать по-нашему умеешь? – спросил.

– С горем пополам. Только говорю.

– Тогда читаю. «Сие оружие улучшено и украшено мастером Барри из Дома Гимри, что в Лесной гряде, для баронета ас-Мирена, что родом из баронства Виращ». Все понял? Откуда взял?

– Вот оно как... – протянул я. – Взял-то с тела, он нам попался на втором этаже в «Водаре Великом». В плаще таком дорогом, помнишь?

Я показал руками нечто, что должно было продемонстрировать, какой дорогой был плащ на покойном.

– Ну да, помню... Погодь, а его-то что сюда занесло? И это какой из них, из ас-Миренов?

– Сын, думаю, – пожал я плечами. – Папаше лет шестьдесят должно быть.

– О чем вы? – не выдержала Маша, слушавшая весь разговор. – Кто такой ас-Мирен?

– Ас-Мирены – баронеты из Вираца, лишённые всех земель и имений за чернокнижие, – пояснил я. – И, кстати, подозревались в поклонении Кали. Поговаривали, что Арк ас-Мирен был тайным ее жрецом и в их замке приносились жертвы. «Палата знаний» как-то об этом прознала, и ас-Ормановы орлы учинили там разгром. Ничего доказать не смогли, но при этом по следам имевшейся там магии в подозрениях укрепились. Поймали в имени одного Созерцающего, но на улице, а тот все время утверждал, что прокрался в замок, дабы нанести вред владельцу.

– Врал? – уточнила Маша.

– Врал, и правды от него не доискались. Оказался под «Огненной печатью» и сгорел, как наш знакомый вампир. В общем, ас-Мирен-старший отделался изгнанием, исчез, но через пару лет вынырнул с женой и новорожденным в Гуляйполе, где по сей момент в авторитете. Особняк у него немалый в самом центре города, и вообще, по всему видать, процветает.

Рарри кивал в такт каждому моему слову, словно подтверждая их правдивость.

– А ты откуда знаешь? – спросил Орри.

– В газетах одно время много о нем писали, – ответил я. – Вот в «Тверских ведомостях» и прочитал. Подозревали, что он покровительствует шайкам речных пиратов и браконьеров, а то и вовсе ими командует, но тоже ничего не доказали.

– А ты, получается, его сынульку прихлопнул? – с веселым любопытством спросил Орри.

– Получается, что так.

– Беречься тебе надо, – проворковала Лари.

Она, к моему удивлению, не вмешивалась в разговор, а молча лежала на уже подаренной ей кем-то волчьей шкуре, опираясь на локоть и вытянув длинные ноги, по-кошачьи сонно щурясь на огонь.

– Надо, – согласился я.

А поди не согласишься. Папаша покойного имеет репутацию чуть не главного бандюги от Твери и до Нижнего Новгорода. Теперь оглядываться придется.

– Так что получается? – снова заговорила Маша. – С одной стороны, все проблемы здесь от Вираца. А с другой, если разобраться...

– Верно мыслишь, ведьма, – подхватил мысль старейшина Рарри. – Получается, что в кого ни ткни, тот Вирацу и враг. Подстава настоящая.

– Как знать, как знать, – пожал я плечами. – Может быть, и так, а может, ас-Мирен прощение у своего правителя зарабатывает. Или вообще вся история с изгнанием фальшивкой была. Вообще-то ас-Орман редко чего доказать не может. Беседует с клиентом у себя в подвалах – и тут же все доказывает.

– Может, – согласился гном. – Но вероятность ниже.

В темноте раздались шаги, в круг света от костра вынырнул ефрейтор-вестовой.

– Волковым кто будет? – спросил он.

– Я. Говори, – приподнялся я.

– Через час взлет назначен, Порошин приказал передать.

– Понял, спасибо.

Вестовой исчез в темноте, а мы засуетились. Времени на размышления оставалось немного. К моменту взлета самолета нам надо быть уже в городе, и желательно неподалеку от городских ворот. Подойти к пристани можно только оттуда – специально так все строилось.

– Все готовы? – оглядел я свою компанию.

Никто не ответил, но никто и не заявил, что не готов. Я махнул рукой, и мы гуськом потрусили к углу крепостного двора, к третьей вышке. На бесшумность перемещения я заранее махнул рукой: это не про гномов, – вся надежда на заклятие незначительности, которое должна сотворить Маша как раз перед подъемом на стену. Оно продержится минут десять, и шум это заклятие тоже скрывает. Точнее, на него никто внимания не обратит.

– Все готовы? – повторила мою фразу Маша.

На этот раз никто не промолчал, все негромко загомонили. Маша заставила всех встать в круг, закрыла глаза, вытянула руки перед собой и резко развела в стороны, изогнув ладони странным образом. Волна волшбы хлестнула по мне с такой силой, как будто сутки назад не эта девочка шагу ступить не могла без посторонней помощи. Сильна, сильна...

Действительно, вокруг каждого из нас собралось нечто вроде прозрачного туманного кокона, не видимого обычным взглядом. Вот оно какое, заклятие незначительности. Затем мы пошли наверх по ступенькам ведущей к помосту крутой лестницы, тихо расселись вдоль бруствера, все же, несмотря на заклятие, стараясь не маячить. Амулет Лари пока не трогали – у него зона действия ограничена, включим в последний момент.

За стальными полукруглыми щитами в пулеметном гнезде сидели двое. Наблюдая за верхом тянувшейся от них городской стены, направив туда ствол ПКС. На нас они не обратили вообще никакого внимания, хоть мы и копошились у них под носом. Вроде кто-то и есть рядом, да что на него смотреть? А вот если кто под таким же заклятием пойдет с той, противоположной стороны, то тогда оно с него спадет. Так действуют бронзовые руны, забитые в каждое десятое бревно частокола. А если заклятие наложено внутри периметра, то с ним ничего не случится. Так сделано для того, чтобы можно было своих разведчиков под колдовской защитой посылать.

Я перекинул через верх стены веревку с узлами, которая с тихим стуком упала на помост под нами. Выглянул туда, осмотрел стену. Никого. И никаких ловушек, кроме крепостной сигнализации. Но она на нас сработать не должна. Вокруг стены никого вроде. И вообще относительно тихо. В городе, между прочим, гуляют, судя по звукам. За баррикадами заслоны остались, но откуда-то издали доносятся музыка, пьяные крики, веселье, женский визг и хохот. Отдыхают. Всю ночь, получается, гулеванили, даже к утру затихнуть не могут. Будь хоть немного больше войск в форте, можно было бы так ударить! Но людей не хватит даже на небольшую вылазку. Если что-то пойдет не так, отбиваться будет некому. А полверсты до баррикад проскочить без потерь не получится.

И насчет подкрасться – я тоже не уверен. Сторожевые амулеты пока никто не отменял. Одной Маши на всех не хватит, а два оставшихся колдуна-подпоручика мало на что годятся. Хорошо в амулетах этих лишь то, что они к человеку привязаны, цепь сигналок из них не построишь, а то могли бы и не соваться.

Я опустил на помост, ведущий по верху городского частокола, первым. Доски тихо бухнули под ногами, но так тихо, что и без заклятия мало бы кто услышал. Следом за мной, совершенно бесшумно, спустилась Лари. Я глянул на нее и шепнул:

– Глаза.

– Что? – не поняла она.

– Светятся.

– А что я могу сделать? – чуть возмутилась она. – Прищурюсь.

Действительно, под длинными ресницами изумрудные огни чуть потухли. Следом за ней с помощью гномов спустилась Маша. Потом сами гномы. У них тихо не получилось. Доски затрещали под тяжестью прыжков, зазвякали кольчуги, оружие задевало за амуницию. Ну не приспособлены гномы к тишине, что поделаешь...

– В кучку все собрались! – скомандовала Лари и сжала в ладони черный камень амулета.

Из ее руки начало медленно, словно чернила в стоячей воде, расплываться облако совершенно непрозрачной тьмы. Но когда эта тьма накрыла нас с головами, то оказалось, что видим мы ненамного хуже прежнего, просто словно через темные очки. Не самый лучший вариант, но я травки своей попил, так что баш на баш и вышло.

Когда облако расплылось на всю нашу скучившуюся на помосте, как куры на насесте, толпу, я скомандовал «вперед». И мы, согнувшись в три погибели, засеменяли гуськом, наваливаясь друг на друга, причем при каждой остановке шедший замыкающим Балин-без-салфетки налетал на идущего перед ним Орри, тот наваливался на Машу, которая в свою очередь толкала Лари. А уже та врезалась в меня, а я почему-то каждый раз обращал внимание, какая же упругая грудь у демонессы. О чем я, демоны забори?

Вскоре мы миновали зданье гостиницы «Улар-река», через окна которой до нас доносился чей-то разговор. Вот так, успел противник загнать туда своих людей. Как прошляпили это в форте, интересно? Или не прошляпили, а я не знаю? Ладно, нам все равно дальше.

Еще минута, другая – и мы доковыляли до знакомого уже забора. И замерли. Прямо за забором, за кучей дров и набросанными досками пристроилось не меньше десятка сипаев в форме, а с ними еще человек пять в разнообразной одежде. Прикрыли дырку, по которой мы добирались. А заодно я почувствовал на помосте сигналку. Присмотрелся, прислушался к себе – как сверкающая ледяная паутинка висела перед нами.

Я поднял руку и замер. Все затихли, только гномы сопели сзади. Я сжал зубы до скрипа от желания выматериться и заехать рукояткой «маузера» кому-нибудь из них по башке. Но ничего, заклятие действовало, на нас никто не обращал внимания, или нас не видели.

Главное, чтобы у них не оказалось какого-нибудь неучтенного Созерцающего. Кого мы при подсчете трупов не учли в смысле. Маша начнет колдовать, и он ее сразу почует. Колдовать в присутствии другого колдуна, оставаясь при этом незамеченным, может только великий волшебник, уровня того же покойного Бэраха. А уровнем ниже – уже не получится.

Маша начала аккуратно «разбирать» заклятие, преграждающее нам путь, на составляющие. Я почувствовал: словно тонкие холодные нити потянулись от ее рук к висящей паутине. Та слегка завибрировала, испуская частые волны Силы. Я напрягся, даже спина заледенела, а на затылке волосы шевельнулись. От противника до нас метров десять, каждое слово разговора слышу, каждое движение вижу. Почуй они хоть что-то – и нас отсюда сметут.

Один из сидящих резко встал, и мы с Лари одновременно направили на него глушители. Но тот подошел к частоколу, встал под нами, до его головы было метра полтора. Даже посмотрел в нашу сторону, заметил, но не придал тому никакого значения. Так это заклинание действует. Другое дело, что когда он посмотрел на меня, то чуть не получил пулю в лоб: палец на курке уже дрогнул. Но все же я сдержался – глаза его ничего не выражали, никакого интереса. Увидел и увидел. Опустил взгляд вниз, повозился немного, после чего послышалось журчание, а сквозь запах гари в воздухе пробился запах мочи. Я выругался про себя: «Скотина, дальше отойти не мог. Аборигены, забори их демон, гадят где попало».

Помочившись, сипай отошел обратно к своим, застегивая портки на ходу. Снял с плеча винтовку, сел на лежащую на чурбаках доску. Товарищи его продолжали негромко болтать.

Тем временем Маша уловила «сердце» сторожевого заклятия, нити, тянущиеся от нее, сплелись в канат. Сигналка вдруг взлетела, зависла над нашими головами – и опустилась на прежнее место лишь тогда, когда мы прошли под ней и удалились уже шагов на двадцать. Так даже лучше. Никто и вмешательства не заметит, и следа магии – сигналка сама фонит.

Прошли еще метров сто, опять остановились. Двор под нами был тихим, от частокола до забора всего пара шагов. К забору вплотную задней стеной стоял большой сарай, за которым вполне можно было укрыться. Там мы и скинули веревку вниз. Первой, деактивировав амулет и лишив нас прикрытия облака тьмы, соскользнула Лари. Как ни обидно признавать, но она

и бесшумней меня, и быстрее, и в темноте видит не хуже кошки. А я что? Просто человек, ничего особого. Ни рогов, ни сверхумений.

Демонесса опустила на ноги, спружинила, а затем легким прыжком перемахнула через забор и исчезла во дворе.

Я спустился следом за ней, сразу перебежал в тень сарая, сгибаясь под тяжестью рюкзака, взял на прицел угол забора – мало ли кто оттуда вырुлить может? По крошечному городку не меньше трех тысяч солдат противника должно шлаться, даже если вычсть тех, кто на позициях в лесу. Или меньше все же? Не все сюда пришли? Но днем их видно было немало, немало.

Снова шум, пыхтенье, кряхтенье, звяканье – это уже гномы. Не перепутаешь. Рядом тяжело дышала Маша – она все же вымоталась за эти два заклятия, не успела восстановиться после упадка сил.

– На сколько у нас еще заклинания хватит? – шепотом спросил я.

– Уже развеивается, – так же шепотом ответила она.

– Нормально, – кивнул я. – В любом случае прошли, среди домов нас так просто не возьмешь. Ждем Лари.

Просидели мы минут пять, когда через забор, все так же бесшумно, перелезла Лари, огляделась, присела рядом со мной, сверкая светящимися глазами.

– В этом доме вообще пусто, труп лежит чей-то. Уже воняет. – Она наморщила нос. – А в следующем дворе в доме полно наемников. И аборигены, и пришлые. Человек двадцать, наверное. Спят вповалку, на крыльце двое караульных. Но самое интересное дальше – еще через двор стоит броневик. А с ним всего трое.

Вот это новость интересная. Даже очень. Броневик – штука такая, бронированная, крепкая, в общем. «Гладиатор» трехместный и тесный, но все же ездит со скоростью шестьдесят километров в час и палит из двух «максимов» при необходимости. А главное, если ты внутри, то тебя как бы и не разглядеть... А Лари говорит, что еще и «пришлые» с нападавшими пришли – наверняка бандиты из Гуляйполя. Вот куда, наверное, тот самый Вова Труба³⁷ с друзьями ехал...

– Минометы видела? – спросил я.

– Нет. Поблизости их нет. А дальше я не ходила. Надо было?

– Нет, не надо. Они их с воздуха быстрее разглядят, да и наблюдатели должны были хоть примерно засечь. Нам лучше от них подальше держаться.

– Как к воротам проберемся? – спросила Маша.

Я вопросительно посмотрел на Лари, та мотнула головой:

– Меня даже не спрашивай. Там сипаев с наемниками целый город, пешком не пройдем.

– Предлагаешь броневик захватывать? – уточнил я.

Не могу сказать, что такая мысль мне в голову не приходила. Как раз об этом я и думал. Само напрашивается. Всего трое возле машины. Хотя это доразведать надо.

– Слушать всем сюда, – зашептал я. – Прячетесь в доме. Там труп лежит, так что поаккуратней, как бы в мертвяка не превратился. Приглядывайте, в общем. Найдите простыню белую, потом пометим машину. И ждете момента, когда вот к той стороне забора... – показал я на забор, отделяющий двор от тупичка, ведущего к частоколу, – вон туда подъедет броневик. Всем все ясно?

– Сам поведешь, что ли? – густым утробным шепотом спросил возмущенный Орри.

– Тихо ты! Гудишь, как из трубы, – шикнул на него я. – Ты поведешь, отсюда. Знаешь «гладиатора»?

³⁷ Вова Труба – бандит с компанией из Гуляйполя. С ними группа Волкова имела трактирную драку по пути в Пограничный.

– Знаю, конечно. У нас их в Лесной гряде десятка два, только со «шварцлозе». А чего отсюда?

– Громкий ты! – разозлился я на его непонятливость. – А туда подкрасться надо.

– Ага, понял, – кивнул гном. – Но если чего – зови, подмогнем.

Он выразительно тряхнул своей винтовкой. А Балин-с-салфеткой кивнул, подтверждая слова товарища.

– Балин, судовые дизеля знаешь? – спросил я.

– Как задницу свою.

– А задницу свою знаешь? – уточнил я.

– До последнего волоса, – кивнул тот.

– В зеркало рассматривал, что ли, извращенец? – фыркнул я на это заявление.

– Я ее внутренним зрением вижу, – ухмыльнулся Балин. – Ибо дорога она мне. Знай, что бережешь!

– А... – протянул я. – Уважаю. Ждите, в общем.

Лари уже ждала меня в полной готовности. Я лишь кивнул ей, скинул рюкзак и карабин, оставшись налегке, и мы проскользнули во двор. Маша с гномами втянулись следом и направились к дому. Орри тащил мое имущество. А мы с демонессой пересекли двор и присели у калитки, ведущей в проулочек. Я выглянул над забором, пытаюсь понять, где крыльцо соседнего дома и где могут сидеть караульные.

– Караульных убить бы надо, – почти неслышно прошептала Лари. – Могут что-то заметить.

– Надо бы, да шумнуть можно, если что не так пойдет, – засомневался я.

– У меня все так пойдет, – чуть оскалилась она, показав клыки и сверкнув глазами. – Ты меня от калитки страхуй на случай чего.

– Уверена?

– А как же! Не в первый раз.

Она резко поднялась и, ничуть не скрываясь, пошла в калитку напротив, покачивая бедрами. Мне осталось лишь перебежать к противоположному забору и присесть возле него на колени, всунув в калитку длинный глушитель «маузера».

Действительно, на ступеньках деревянного крыльца сидели двое в разномастной одежде, державшие винтовки стоймя между колен. К моему удивлению, они не стали шуметь или требовать остановиться – они просто молча смотрели, как Лари к ним приближается, глядя на нее во все глаза, как дети на вносимый в комнату именинный торт – с надеждой и восхищением. Я почувствовал, что сам не могу оторвать взгляда от ее плавно покачивающихся бедер. И это с амулетом! Видать, она пустила в дело все, что могла.

Все также, не сбиваясь с плавного шага, она подошла к караульным, а затем в воздухе дважды тонко свистнуло, и два тела осели на ступеньки, две головы скатились на дорожку. Вот это да... И это сделано кнутом, пусть и со стальными концами. Чего-то я все же о своей легкомысленной на первый взгляд спутнице не знаю.

Она изящно присела, придерживав рукой готовую со стуком свалиться винтовку, а затем обернулась ко мне, сверкнув светящимися изумрудами глаз, и махнула рукой: мол, «иди сюда».

Я тихо подошел к ней, обходя по кругу все больше растекающуюся лужу крови. Покачал головой. Даже дернуться никто не успел, как она им головы снесла. Я толкнул одну из голов носком ботинка, повернув к свету. На лице лишь застыло выражение легкого недоумения, как будто покойный в последнюю секунду что-то переспросил и прислушивался к ответу.

– Хватит головы катать, пошли, – рыкнула Лари.

Опять у нее голос меняться начал, как в Березняках. Сумеет она себя в руках-то держать? А то, может быть, она как оборотень? Изменится – и с катушек съедет. Надо будет у нее это

как-то деликатно выпросить – со временем, естественно. А то так под шумок самого порвет на тряпки.

Надо бы тела убрать, да что толку? Крови столько, что вопросов не возникнет, что с каральными случилось. Две срубленные головы, как из фонтанов хлестало.

В доме никто не пошевелился, хоть через открытые окна доносился многоголосый храп. А заодно оттуда неслабо перло перегаром. Бандиты и наемники передали «зону ответственности» сипаям и теперь праздновали победу. Ну и добычу: в городке было что пограбить.

Мы пересекли двор, выбрались через следующую калитку, замерли, прислушиваясь.

– Куда?

– С той стороны двора, за садом.

– За садом... засадим... – пробормотал я и пошел дальше.

Перебежали к дому, присели за углом. Затем я аккуратно, на фоне куста сирени, уже тяжело и душно пахнувшей, выглянул. Так и есть – ворота настезь, а во дворе, прикрытый стеной дома от обзора со стороны форта, стоял «гладиатор» – приземистый и широкий броневомобиль на больших колесах с могучим протектором и довольно нелепой и высокой прямоугольной башней, открытой сверху, из которой, как два полена, торчали вперед стволы «максимов».

Броневик недавно подъехал, потому что можно было слышать, как пощелкивает, остывая, его мотор. Возле него было трое. Один, в стальном шлеме с торчащими из-под него кожаными наушниками и в кольчуге, сидел на крыле, свесив ноги. Винтовки у него я не видел, вооружен он был уже знакомым «чеканом» в кобуре. Еще один, одетый точно также, стоял напротив, сложив руки на груди. А третьего видно было плохо – он стоял за корпусом машины, опираясь на него локтем.

Так, отсюда нам сразу всех не взять: тревогу поднимут. Я обернулся к Лари, поблескивающей не только глазами, но и белоснежными клыками в свете луны, после чего показал ей жестом: «Обойди дом по кругу». Ей проще, она движется бесшумно. Она лишь улыбнулась так, что у меня мороз по коже прошел, повернулась и исчезла за углом дома, рубленного в лапу. А я прижал приклад «маузера» к плечу и навел его в голову тому, кто сидел на броне лицом ко мне. Лучше всего начинать с тех, кто первый может засечь, откуда стреляют.

Лари обошла дом быстро. Раздался негромкий звук, словно в ладоши кто-то хлопнул, и голова, торчащая из-за борта броневика исчезла так быстро, словно кто-то марионетку дернул за ширму. Сидевший на броне лишь повернулся в ту сторону – и через секунду сам упал на землю лицом вниз. А я уже всаживал пулю за пулей в спину тому, кто разговаривал с ним.

Совсем бесшумно не получилось: последний противник все же вскрикнул негромко. Минуты три мы выжидали, прислушиваясь к каждому звуку, но ничего не происходило. Никто не кричал, не стрелял, не бежал к нам или от нас. Тогда мы тихо перебрались к машине.

– Стереги поляну. Надо жмуриков убрать, – сказал я демонессе, все еще окончательно не вернувшейся в нормальное состояние.

Что-то в чертах лица у нее до сих пор было неправильным, хоть и не мог понять что. Вроде все элегантно и красиво, как обычно, но очень уж хищно. Демон, что поделаешь, хоть и наполовину всего.

Лари присела за броневиком, вооружившись карабином, а я затащил тела в пустующий, разгромленный дом, одно за другим, где и бросил, не забыв, впрочем, изъять амулет-распознаватель от зажигания, а то возились бы потом с замком. Опять Машу пришлось бы колдовать заставляя, а нам ее беречь следует. Совсем заездили колдунью.

Разобравшись с мертвецами, из которых, к счастью, никто воскресать не стал – тут всякое случается, могло и заклятие на ком-то лежать, – я выбежал на улицу. Небо на востоке уже порозовело, рассвет приближался, и «громовержец» должен был взлетать через несколько минут.

– Машину водишь? – спросил я Лари.

Двойка мне: до того не удосужился спросить. Планирую, понимаешь, операцию. Привык все в одиночку, вот и косячу через шаг.

– Естественно, вожу, раньше мог поинтересоваться! – с ядовитой интонацией ответила она.

– Тогда давай за руль, а то эти спящие красавцы из соседнего дома каждую минуту могут проснуться, – сказал я, сделав вид, что не заметил иронии. – А я на пулеметы.

Вести «гладиатора» не труднее, чем обычный грузовик. Внутри это все тот же ГАЗ-63, только по компоновке развернутый задом наперед. Мотор оказался сзади, боевое отделение там, где у грузовика кузов. Дело нехитрое так все устроить. И броня нормальная: винтовочную пулю без сердечника держит, – а другие мы на сторону и не продаем. И сипайским частям бронебойные патроны тоже не выдаются. Так что взять нас могут только из пушки, или если случайно миной накроет. Правда, есть еще колеса, но внутри они еще и губчатой резиной заполнены, чтобы даже на пробитых мог доехать куда надо. Вот мы и попытаемся.

Лари скользнула в водительский люк, я скинул ей туда шарик амулета. А сам заскочил в башню, уселся на висячее кресло с кожаными подушками. Положил руку на гашетку, общую для обоих пулеметов, рванул вперед-назад длинный рычаг синхронизатора. Лязгнули рукоятки взведения на ствольных коробках, патронники мягко заглотили свою добычу. Я осмотрел передний и задний сальники – не текут, а кожухи полны воды. Сегментные ленты плотно лежат на направляющих барабанах. Откинул прицел в форме концентрических колец из проволоки, выставил на прямой выстрел. Все, можно воевать.

Плохо только, что башня без крыши – только с боков защищает. Будем надеяться, что с чердаков никто стрелять не станет и «тромблон» винтовочный или гранату какую внутрь не закинет. Будет неприятно.

Мотор броневика зажужжал стартером, схватился, повибрировал, потроил, выбросил два клуба вонючего дыма из труб, но затем заработал гладко и ровно. Я покрутил рукоятку горизонтальной наводки. По вертикали пулеметы с усилием сдвигались рычагом по бронзовому зубчатому сектору с разметкой по дальности. Тоже так себе решение... Ну да ладно, это же аборигенам на продажу сделано. Главное, что два «максима» – это сила. Особенно учитывая, что к каждому приставлено по коробу на двести пятьдесят патронов, а по периметру башни таких коробов еще шесть стоит в гнездах.

Тронулся броневик резко, так что я чуть переносицей не впечатался в гашетку. Все же с водительскими талантами у нашей демонессы так себе дело обстоит. Баранку крутить – это не караульных соблазнять плавным движением бедер. Ладно, два двора сумеем преодолеть, а даже если и забор протараним – ничего страшного. Машина крепкая, железная.

Броневик катил по грязной улице тяжело, увесисто, глотая неровности длинноходной подвеской. В поворот вписались еле-еле, а когда у самого частотокола начали разворачиваться, я этот процесс волюнтаристски прервал, потому что из дома к нам бежали гномы с Машей. Балин тащил свернутую в неаккуратную кучу белоснежную простыню. Орри Кулак не забыл надеть свои шоферские очки с кожаной кепкой-восьмиуголкой, а полы его черного пальто-реглана развевались на бегу как вороньи крылья.

Дальше все пошло проще. Сначала свалили свои рюкзаки на моторный отсек, цепляя их лямками друг задруга, затем быстро натянули простыню поверх них, привязав ее концы к ручкам, что тянулись вдоль бортов. Затем гномы кое-как протиснулись в люки, которые не под их плечищи были вырезаны. Машу усадили на колени Балину, потому что других мест в боевом отделении не было, я сунул ей «маузер». А Лари ничтоже сумняшеся перемахнула через край башни и пристроилась стоя у меня за спиной, прижавшись ко мне грудью, жарко дыша в шею и обхватив руками за плечи. Заодно и прошептала: «А куда мне деваться, а? Предлагай... Я на все согласна».

Последние слова прозвучали несколько издевательски, поэтому я ничего из того, что хотел бы предложить, предлагать не стал, а лишь кивнул.

– Командуй, – прогудел из стального чрева броневика голос Орри.

Эва, как он там, в трюме, резонировать стал. Впечатляет.

– Ждем старта пока. Тут вроде тихо, – сказал я, наводя пулеметы на пустынный проулок перед собой.

Сунься туда кто – смету как сор метлой. Затем спросил у Орри:

– С горячкой как там?

– Под пробку, если уровню верить, – ответил гном. – А когда старт?

– Да вот сейчас уже должен быть.

Тишина тянулась еще минуты три, после чего рассыпалась треском очередей и разрывов. Ударили в форте здорово, разом, грохот стоял такой, что в ушах зазвенело. Шарахнули из всего, что было, включая гаубицы, открывшие залповый огонь по предположительным позициям батарей противника. Из-за стены вверх начали подниматься густые клубы красного, в рассветных лучах, дыма. По всему городку засвистели свистки унтер-офицеров сипаев, забегали, засуетились, затарахтели пулеметы, в сторону ограды форта потянулись трассы, оттуда огрызнулись огнем. Гулко, как отбойные молотки, заколотили из дотов крупнокалиберные.

Из соседнего двора начали выбегать полуодетые наемники с винтовками, вид у них был ошалелый. Под ногами у них метался не менее ошалевший лохматый барбос, непонятно откуда взявшийся. Один из них, видимо командир, увидев наш мирно стоящий в конце переулка броневик, приостановился, затем призывно махнул рукой. Мы, естественно, не прореагировали, хотя мотор работал на холостом ходу.

Никто, кроме этого самозваного командира, на нас внимания не обратил, все пробежали дальше. Однако этот упорный попался. Узкое лицо, немолодой, длинные усы. Из Озерного края, не спутаешь. Там вообще бандит на бандите. Он решительным шагом, со злым лицом подошел к нам, одним прыжком запрыгнул на броню, заглянул сверху в башню – и тут же отлетел назад с дыркой в середине своей желтой повязки. А Лари опустила пистолет с глушителем, из круглого отверстия в котором понемножку курился дымок.

– Все, поехали! – скомандовал я куда-то себе под ноги, и машина рывком тронула с места.

Видать, не Лари была вина в том, что я себе недавно чуть нос не расквасил, а сцепления. Не получится гному-шоферу плохо машину водить: скорее эльф не сможет из винтовки попасть в ведро с пяти шагов.

Машина, рыча мотором, проехала по переулку до главной улицы, свернула налево и, плавно набирая скорость, покатила навстречу потоку бегущих сипаев. Проехали мы не больше ста метров, как на дорогу перед нами выскочил кто-то кольчужный, с бантом оруженосца на плече, встал на пути, предостерегающе подняв руку. Орри, предупрежденный о том, что на рожон лезть не надо, честно ударил по тормозам.

Из-за угла выбежало строем до роты сипаев в полной боевой выкладке, у всех желтые платки на шеях. Вот демоны, как же мы-то до сих пор не догадались желтые тряпочки повязать? И хоть бы раз кто подумал! Не-э-эт, ума нет – считай, калека.

Рота пробежала мимо, оруженосец в кольчуге махнул рукой: проезжай, мол, – а сам побежал следом за сипаями, придерживая рукой висящую на ремне винтовку. А нам второй раз повторять не надо было, Орри сразу с места рванул. Проскочили по главной улице почти до самой рыночной площади, но там в очередной раз столкнулись с проблемой – выход на нее был перекрыт баррикадой, причем из толстых бревен, столкнуть которые с ходу никакой возможности не было. Можно рискнуть, завалить забор, но черт знает, что там за ним. Зато у бар-

рикады пятеро сипаев. У одного в руках длинное полено пулемета «льюис».³⁸ Стоят на нас глазуют.

Я выматерился, ударил кулаком по броне. Лари шепнула мне прямо в ухо:

– Тише. Тише. Главное – спокойствие. Давай проезд искать: как-то же они туда проехали!

– Орри, давай влево бери. Там проезд поищем, – скомандовал я себе под ноги.

Тоже недоработочка – с убитых шлемофоны не сняли, а теперь не можем в бортовую сеть переговорную включиться. С другой стороны, шлемаки у них все простреленные, охота была эти горшки с расплесканными мозгами на голову напяливать?

Броневи́к поехал по неширокой улице под свисающими через заборы ветвями яблонь, которых здесь великое множество. Проехали один переулок, второй, но выезда на рыночную площадь пока не было. Я уже начал нервничать. Скоро здесь будет «громовержец», который явно уже взлетает, и как знать, не захотят ли его пулеметчики поохотиться и на бестолково катающийся по улице броневи́к? А белую простыню можно и не заметить. И вообще, разговор о барже был, когда белая тряпка обсуждалась.

Так доехали до самого частоккола. Я даже хотел скомандовать, чтобы Орри ломился напролом, свалив забор, но вспомнил, что примерно в этой части рынка, куда мы можем отсюда попасть, все застроено бревенчатыми срубами лавок, которые нам корпусом все равно не пробить.

– Разворачиваемся.

Развернулись с трудом, в три приема. Узко здесь было. Стрельба в районе форта стала вообще отчаянной. И мне послышался гул самолетных двигателей сквозь нее. Надо торопиться!

– Давай быстрее! – крикнул я вниз.

– Понял! – пробасил Орри и действительно прибавил газу.

Мотор взвыл и поволок тяжелую машину все быстрее и быстрее. И на перекрестке с центральной улицей гном вынужден был резко затормозить: из-за угла выехал еще один «гладдиатор», близнец нашего. Из люка по грудь торчал офицер в незнакомой мне форме какого-то из Старых княжеств, взгляд которого уперся мне прямо в лицо. И глаза его начали расширяться и расширяться.

«Хана конспирации!» – подумал я, срывая с пояса гранату Ф-1, которыми мы разжились в форте.

Отлетело кольцо, со звонким щелчком отскочил предохранитель, и увесистая рубчатая чушка по крутой дуге перепорхнула из моей руки в башню бронемашины. Офицер, даже не осознав сразу, что произошло, успел только рот для крика открыть, когда в чреве их «гладдиатора» рвануло – с металлическим гулом, как в кастрюле, а вверх вылетел клуб серого дыма. Офицер свалился вниз, как будто его дернули за ноги, а потерявшая управление машина, в которой живых не осталось, резко свернула влево и уткнулась массивным швеллером переднего бампера в воротный столб.

– Ну все, ходу! – заорал я, поворачивая башню влево. – К баррикаде – и вали забор.

Когда корпус нашего броневи́ка вылез из-за угла на центральную улицу, я открыл огонь сразу, даже толком не рассмотрев противника у наваленных бревен, скорее по памяти. Пулеметы загрохотали, мелко затряслись у меня в руках, пытаюсь сорваться со станка, а я дважды повел стволами, на дулах которых плясали желтыми цветками лепестки огня, в одну и другую сторону. Гильзы со звоном сыпались из выводной трубки в брезентовые мешки, подаватель

³⁸ Пулемет «льюис» – ручной пулемет производства Астраханского арсенала, копия известного пулемета системы американца Айзека Льюиса, пошедшего в массовое производство с началом Первой мировой войны. Ручной пулемет с воздушным охлаждением и питанием из дисков на 47 и 97 (для стрельбы со станка или упора) патронов. В Великоречье выпускается под 7,62x54R. Читателям известен по кинофильму «Белое солнце пустыни» – тот самый пулемет, из которого стрелял с цистерны товарищ Сухов.

весело глотал ленту, а две струи пуль хлестали по пяти распростертым на грязной земле телам, выбивая фонтанчики и откалывая щепу со штабеля.

Орри тормозить не стал. Пока я достреливал караул, он опять разогнался и направил машину под углом на дощатый забор. Звено забора вывалилось, доски загрохотали по броне, броневик запрыгал, Лари крепче вцепилась в меня, с такой силой, что дух перехватило, затем завохотали разбегающиеся из-под колес куры, не съеденные мародерами, из-за чего я предположил, что хозяйство принадлежало кому-то из «пятой колонны». На голову посыпались листья и ветки, со страшным треском осел легкий курятник, завизжала, убегая, караульная собака. А наша машина, ревя мотором, свалила второй забор и вырвалась на оперативный простор – базарную площадь.

Простор оказался несколько стесненным. Вся площадь была заставлена грузовиками лже-купцов, купцов настоящих, крестьянскими телегами, лежали кучи добра, явно награбленного в Пограничном, повсюду ходили вооруженные бандиты и сипаи. Стрельба из пулеметов паники не вызвала – стреляли везде, и лишняя длинная очередь никого не напугала. И когда забор рухнул и мы вылетели прямо к толпе, мародеры лишь шарахнулись в сторону, выражая неудовольствие красноречивыми жестами и еще более красноречивыми словами. А я, понимая, что быстро нам не пробраться, а каждая секунда промедления может стоить жизни, крикнул Орри:

– Давай в объезд площади, по большому кругу.

Сам же в это время изо всех сил крутил рукоятку горизонтальной наводки, разворачивая стволы «максимов» на толпу. И в этот момент над городом пролетел «громовержец», победно гудя моторами. Он прошел над рыночной площадью, поднимаясь все выше, вызвав настоящий ураган винтовочного огня в свою сторону. Мне даже казалось, что я вижу, как пули выбивают искры из его фюзеляжа, хоть на самом деле видеть этого не мог. Не знаю, повредили его или нет, отсюда не видно, но шел он ровно.

Самолет ушел за пределы города, плавно завалился на одно крыло, ложась в пологий вираж, опять приблизился, а затем на его борту заплясали сразу четыре огонька, а сверкающие трассы потянулись куда-то за рынок. И через пару секунд там рвануло, причем с такой силой, что в воздух взлетел в клубах черного дыма разваливающийся на лету на составные части сарай. Видать, по штабелю минных ящиков залупили, иначе и не подумаешь.

На нас уже никто не обращал внимания: на площади царил паника, кто-то куда-то бежал, кто-то прятался, некоторые, упав на колени, бесполезно стреляли в самолет из винтовок и ручных пулеметов. И тогда я решил добавить веселья – и хлестанул по всей этой толпе из двух стволов длинной, на полсотни патронов из каждого, очередью, благо водяное охлаждение позволяет. Двойная струя пуль хлестнула по машинам, по прилавкам, по телам, вздымая клубы пыли, крови, щепок, выбивая как огненным бичом из тела толпы отчаянные крики. Мотор ревел, броневик несся в объезд, огибая базарную площадь.

Затем нам навстречу попался заляпанный камуфляжными пятнами и грязью ГАЗ-63 на высоких колесах, с кузовом, полным людей с оружием и в кольчугах баронских дружинников. Я навел «максимы» на кабину и утопил большими пальцами гашетку. Брызнули во все стороны искры, посыпалось стекло, выбило дым из мотора. Водопад свинца обрушился на дощатый кузов, кроша в нем всех в мелкий винегрет. Уцелевшие с криками вываливались из машины, разбегаюсь, кто бегом, кто ползком, во все стороны в поисках укрытия.

В нас начали стрелять, пули бессильно защелкали по броне. Лари захохотала. Я снова выкрутил башню влево и опять завел длинную очередь по базару, заставляя укрыться осмелевших было стрелков. Демонесса улюлюкала, а затем по-разбойничьи длинно и громко свистнула в два пальца. Она явно наслаждалась происходящим.

В этот момент снова ударил по городу «громовержец», причем одна из «кос» была по базару, выплескивая вниз пули всеми четырьмя своими вращающимися стволами. Следом

за быстро перемещающимся столбом пулеметных трасс поднимался в небо густой столб пыли, выбиваемой из земли. «Коса» не «максим», даст так даст!

Это оказалось последней каплей для тех, кто пытался укрыться там между прилавками. Стрельба из винтовок прекратилась, началась паника. Наш броневик несся среди разбегающейся толпы, я постреливал во все стороны короткими очередями, добавляя оживления процессу, демонесса хохотала, гномы ругались матом, причем по-людски, только Маша молчала как приличная девушка.

Наконец ряд лавок закончился, дальше была открытая площадь и городские ворота. В воротах не было никого – все разбежались. Я на всякий случай обстрелял окна надвратной вышки, чтобы оттуда никто не пальнул в открытый верх башни, и вскоре наш броневик вылетел через ворота на складской двор у пристаней.

Пулеметчики за кирпичной баррикадой были на месте, но что случилось – они не поняли. Они постреливали из пулемета над продолжающим кружить над городом «громовержцем», а на нас не обратили никакого внимания. А что на нас его обращать? Если по машине судить, мы свои. Поэтому когда мы подъехали к ним вплотную, расчет из троих человек лишь приостановил стрельбу и повернулся к нам. Я высунулся из люка с «сорок четвертым» в руке и, прежде чем они успели хотя бы моргнуть, прицелился пулеметчику прямо в середину лба, прикрытого желтым платком, и нажал на спуск.

Из револьверного ствола вылетел снап огня, а бандиту словно кузнечный молот в лоб угодил, отшвырнув его на второго номера и сбив того с ног. Третий попытался убежать, пригнувшись и бросившись в сторону, но пули такого калибра, угодившей в спину, хватило ему за глаза. Его бросило вперед, и он затих, пропахав лицом по земле. А затем двумя выстрелами я добил сбитого с ног. Все. Больше из врагов никого.

Я перемахнул через край башни, оставшись на броне, следом выпрыгнула Лари, из люков вылезли гномы.

– Машину не брошу! – заорал Орри.

– А что сделаешь? – крикнул я в ответ.

– Не знаю! – с отчаянием прокричал водитель.

– А не знаешь, так не... – закончил фразу я непарламентским выражением. – Хватай тюки и цинки с патронами – и бегом в рубку. Баржа тебе вместо броневика. Пулемет на кормовую вахту ставьте!

Балин сообразил быстрее и уже несся на борт со своим рюкзаком, еще чьим-то, да еще держал в руках тушу пулемета с растопыренной во все стороны треногой. Лари и Маша тоже бежали туда с вещами и оружием. Я один за другим вытащил шесть запасных коробок с патронами из держателей в башне, передавая их Орри, который составлял их на земле. Схватили сколько могли, тоже побежали на борт.

Самолет, который умудрился еще что-то взорвать в городе, продолжал отвлекать внимание от нас. Загрузились полностью за три ходки. Балин даже два мешка с песком притащил, навалил на металлический бруствер вахты, – за ними мы установили пулемет, обращенный к городу. Орри запустил судовой дизель, тяжело и медленно заколыхавшийся под палубой. Я забросил в боевое отделение броневика шесть двухсотграммовых шашек тротила, смотанных проволокой, с куском тлеющего шнура минут на пять, а сам уселся к пулемету за стрелка. Дело знакомое, в армии мне «популеметить» немало пришлось, хоть и не из «максима». Но и «максим» знаю на «ять», без вопросов. Дамы укрылись за бортом пустой, к нашему счастью, баржи. А затем мы отбыли, причем очень драматически – Балин перерубил канат своей острой, как бритва, секирой.

Обороты дизеля участились, колебания дощатой палубы сменились крупной дрожью, и мы медленно отвалили от пристани, выгребая на речной стрежень. Наша посудина развер-

нулась кормой к городским воротам – и пошла, все ускоряясь и ускоряясь, оставляя за собой расходящийся шлейф приглаженной и бурлящей воды.

Лишь когда мы оказались на самой середине, из ворот начали выбегать вооруженные люди в разношерстной форме. Некоторые падали на колени, некоторые вскидывали винтовки стоя, но над нашими головами довольно густо засвистели пули.

Расстояние было уже метров пятьсот, не меньше, вода затрудняет определение дистанции. Я взял в прицел толпу у ворот и выпустил очередь патронов на десять. Пулемет затрясся – сильнее, чем башенный из броневика. Фонтанчики выбитой пулями земли и пыли поднялись по самому берегу, по воде и почти у толпы. Неделет.

В ответ с берега затарахтели два «льюиса», замигали два огонька, свист пуль над головой стал гуще. Вокруг баржи тоже плеснулись фонтанчики воды, пара пуль со стуком угодила в толстые доски настила.

Я подкрутил прицельное кольцо, добавив сто метров в прицел, почти нежно обхватил рукоятки затыльника расслабленными руками и утопил большим пальцем рубчатую клавишу спускового рычага. «Максим» послушно завибрировал, жадно глотая ленту и осыпая доски палубы горячими гильзами. Накрытие! Сердцевина полосы попадания хлестнула плавно по толпе, и я, не отпуская рычага, завел долгую, на все оставшиеся двести сорок патронов, очередь по нашим преследователям, плавно ведя ствол слева направо, буквально засеивая пулями берег.

Прицел вибрировал, тряслась слегка тренога, на надульнике плясал хвост огня, а бесконечная струя тяжелых пуль летела вдаль, затягивая пылью от попаданий неплотный строй врага. Нервы у преследователей не выдержали, и они начали разбегаться, укрываясь кто где горазд. Оба «льюиса» тоже заткнулись. Отдельные винтовочные выстрелы шли неточно, а расстояние между нами все увеличивалось и увеличивалось. Через минуту в нас мог попасть только снайпер или эльф, но нанести серьезный ущерб нашей барже даже он бы не смог. Все уязвимые для огня из легкого оружия узлы были укрыты.³⁹

Я прислушался – вода в кожухе булькала, из-под крышки с клапаном поднимался пар. Стрельба с берега стихла совсем. А в довершение картины рванул броневик, выбросив из жерла открытой башни и из люков снопы огня и черного дыма, вновь заставив залечь поднявшихся было с земли бойцов противника.

– Ну все, кажется, сбежали, – объявил я экипажу.

Так оно и было, даже фальшфейеры зажигать и ракеты пускать не понадобилось. Не обрадовал на нас «громовержец» никакого внимания, а покрутился над городом, пострелял еще немилосердно – и улетел за горизонт, уйдя на запасной аэродром, что в Городищах. По поступавшим данным, там власть была по-прежнему княжеская, не то что в Пограничном. Заодно и связь установит, и подмогу приведет.

– Не погонятся? – спросила сидевшая рядом Маша.

– Не думаю, – помотал я головой. – Катеров у пристани не было, остальные баржи не быстрее этой. Гнаться придется долго и упорно. Да и кто мы для них? Им еще целый форт штурмовать. Причем, судя по всему, без минометов.

– Хорошо бы, – вздохнула колдунья и откинулась назад, даже не заметив, что оперлась на бедро ехидно ухмыльнувшейся Лари.

Но, против обыкновения, демонесса пугать Машу не стала. Похоже, она тоже расслабилась, хоть вроде веселилась во время заварухи.

Тяжело топая по палубе, к нам подошел Балин, уселся рядом, сопя. Расстегнул ворот кожаной куртки, поскреб в бороде. Затем спросил:

³⁹ Конструкция самоходных барж предусматривает максимальную защиту от огня противника именно сзади, что позволяет при нападении пиратов отстреливаться, не замедляя при этом хода.

– Сколько идти-то нам?

– Если не останавливаться, то считай что двое суток, – ответил я, прикинув расстояние. –

Улар – река вихлястая, пропетляем долго. С топливом как?

– С топливом без проблем. Из четырех танков три полных. Хватит до Нижнего Новгорода, если взбредет туда идти. А вот ты мне скажи... если патруль тверской нас остановит, а баржа чужая?

– Отмажемся, – отмахнулся я, надеясь на военное положение и свое сыскное поручение.

– Уверен? – спросила уже Маша.

– Уверен. Имеем право временной реквизиции средств транспорта, если того потребует служба по защите государственных интересов княжества, – вспомнил я фразу из Устава охотничьего сообщества.

Такая же и у урядников есть, и у жандармов, и у городских, точно знаю. Главное – потом вернуть куда положено. К тому же...

– А ты табличку смотрел, откуда баржа? – спросил я Балина.

– Не-а, – мотнул тот головой.

– Ладно, я сам посмотрю.

Это ведь тоже вопрос, насчет таблички этой самой. Нападавшие прибыли в город как купцы – и дорогой, и рекой. И если эта баржа... Ладно, чего впустую рассусоливать? Я встал и пошел на нос, в крепкую, обшитую испятнанной пулями сталью рубку с окнами-бойницами. Зашел внутрь, чуть отодвинув в тесном помещении широченного Орри.

Бронзовая табличка с регистрационными данными всегда прикрепляется на колонку штурвала, как было и здесь. Текст был на двух языках – русском и пореченском, как тут называют язык, делящийся на множество диалектов, на котором говорят почти все народы по течению Великой, до самого Астраханского княжества. Гласил текст, что баржа принадлежит купцу Бер-Ассату, порт приписки – город Мельвар, что в герцогстве Болер. Хм, как хочешь, так и понимай. Мог быть честным купчиной, а мог и злодеем. Ладно, дальше видно будет, что сейчас всякой ерундой голову забивать?

– Как баржа идет? – спросил я у Орри. – А заодно – где управлять научился?

– В Царицыне учился всем управлять. Машина, катер, баржа. Даже самолет могу, но только У-2. На других не пробовал, – важно заявил гном.

Да, гномы в своем амплуа. Хлебом не корми и пивом не пои, но к технике допусти. Сейчас он вполне уверенно стоял за штурвалом баржи, широко расставив толстые ноги в тяжелых высоких ботинках, поскрипывая кожей реглана, когда приходилось вращать колесо. Солидный вид, как памятник самому себе.

– Дурное болото скоро будем проходить? – спросил я о самом животрепещущем на настоящий момент.

– Часа через три, – задумчиво ответил Орри, поглядев на хронометр, счетчик лага и расстеленную карту.

– Ну это нормально, день только начнется. И приготовимся.

– Я динамита ящик нашел, – сказал Балин, неожиданно засунувшись в рубку.

– Неплохо, но... ни о чем не говорит. Динамит они могли честно купить для строительных работ, – ответил я. – Я вот сейчас пулемет заново заряжу, вскоре Дурное болото. И динамит далеко не убирай. Шнур есть к нему?

– Это верно, мог и купец возить динамит, – согласился Балин. – А шнура бухта целая, локтей тридцать. Так на ящике и лежала.

– Это хорошо, глядишь – и пригодится.

– Еще две обрезанных курковых горизонталки двенадцатого калибра нашел и целый ящик патронов с картечью.

– Вот это хорошо! Это специально приготовлено – мимо болота ходить. Надо будет на палубу поднять.

– Сейчас, на дизель гляну – и подниму, – сказал Балин.

Балин спустился в люк машинного отделения осмотреть дизель. Я же опять вышел на палубу и протопал на корму. Присел возле Маши, задумчиво глядящей на совсем удалившийся Пограничный и блестящую поверхность реки.

– Как себя чувствуешь?

– Устала немножко, а сейчас нормально. Есть только хочется.

– Сейчас попробуем что-то придумать. Пайки мы взяли, но тут камбуз должен быть...

– Я посмотрю, ты сиди. Я умею готовить, – сказала она, встала и направилась вниз по трапу.

На таких баржах всегда внизу имеются две крошечные каютки и камбуз. Экипаж редко превышает три человека, но ходят баржи далеко и надолго. Иной купец по весне, как лед сойдет, выйдет на реку – и только осенью домой возвращается. Так и живет на своей барже. В тесноте, да ближе к делу, – и кто говорил, что доля купеческая легка? Дорастешь до первой гильдии, тогда и расслабишься.

Лари между тем пересела на борт, свесив ноги. Аллегорическое изображение беспечности, но по отношению к ней в это как-то не очень верится. Надо, надо будет найти время чуть расспросить ее о тифлинговском житье-бытье. Очень уж много нового я узнаю о ней с каждым нашим приключением. Хочется прояснить отдельные моменты, хоть ни в чем таком я ее не подозреваю. Свою верность как спутника она доказала делом уже не раз. Да и вообще... такая она... гм... да.

Я вернулся к пулемету, для начала осмотрел машинку внимательно. Ничего, не новенький, но и не старье. Вполне живой агрегат. Сальники не текут, расчет четкий был, наматывал своевременно и аккуратно. Я подобрал с палубы ведро с веревкой, заглянул в него – чисто ли? Затем зачерпнул воды из реки. Здесь дно песчаное, ила нет, воду пить можно. После болот она уже помутнеет, пожелтеет – и так до самой Великой потечет.

Откинул широкую крышку на кожухе, слил воду из него. Затем аккуратно, но все же расплескивая, налил из ведра в горловину свежей, холодной. Пусть пулемет готов будет на все сто процентов. Подтянул крашенную шаровой краской жестяную коробку с лентой, откинул крышку. Прихватил наконечник ленты, воткнул его в окно приемника. Нащупал слева, через левое окошко, потянул на себя и вперед, толкнул рычаг. Опять потянул, опять рычаг. Такая у «максима» процедура зарядки затейливая. Но уж как зарядил, так дальше не задумывайся – пулемет надежный, хоть и устаревший.

Затем поправил треногу, чуть развернув в сторону ожидающегося болота, выставил на прямой выстрел. Примерился, прицелился. Вроде кругом готов к обороне.

– Кого ждешь? Пиратов, погони или из болота кого? – высунулся из рубки Орри.

Река в этом месте шла прямо, равно как и фарватер – хоть вообще не рули. Вот он и расслабился.

– Всех сразу, но скорее из болота, – ответил я, затем сказал: – Слушай, ты бы тоже свой штуцер приготовил. В этих краях всякое бывает, подчас такое из-под воды на борт ползет, что хоть из пушки в него пали.

– Так день же деньской кругом! – удивился Орри. – До полудня к болоту подойдем, какая нечисть ползет?

– Водяная, – исчерпывающе ответил я. – Водяная нечисть ночным временем особо не заморачивается. Ей под водой и так темно. Рванет из воды на пару секунд, чтобы кого-то с борта сдернуть, и опять на дно. Знаешь, сколько народу именно в этом месте гибнет? И как раз потому, что думают как ты: среди бела дня нечисть не нападает.

– Не врешь? – с подозрением посмотрел на меня наш шкипер.

- А оно мне надо? – резонно возразил я.
- И кого тут ждать можно?
- Да много кого... – задумался я. – Считай, весь список. Самый опасный в такое время рыпач, как его в Вираце называют. Или малый гаргулец. Мерзкая тварь.
- А это что? – заинтересовался Орри.
- Разновидность горгульи, но водяная. Очень быстрый, может на борт выскочить, а самое главное – плюется какой-то невероятно вонючей липкой дрянью, которая к тому же дурманит. Если на тебя угодит – через несколько секунд свалишься, надо смывать немедленно.
- Это как?
- А в воду прыгать.
- Так сожрут же... – удивился Орри.
- Сожрут, – согласился я. – Поэтому нельзя давать плевать или уворачиваться надо – он тонкой струей плюется, но предварительно пасть раскрывает и у него пузыри как у жабы надуваются. По этому можно понять, что сейчас плюнет, и увернуться. Но может и не плюнуть, а прямо так напасть, если есть вероятность сразу тебя за борт стащить.
- Большой?
- Метра четыре в длину бывает. Узкий, гибкий, на четырех ногах. Может хвостом хлестнуть, у него позвонки колючие наружу торчат. Та еще тварь, в общем. Еще речные импы могут напасть – это как зубастые жабы, с короткими хвостами и немалыми когтями. Кидаются всегда стаяй, три таких жабы человека разорвут за несколько секунд.
- И что делать будем? – загрустил от такой перспективы Орри.
- Да ничего, – пожал я плечами. – Ждать. И вооружаться дробовиками, они для таких дел сподручней. Два у нас есть, еще два Балин в трюме нашел, сейчас принесет. Двустволку в руки, патронташ на грудь, и револьвер под рукой. Нас много, отобьемся. Тут баржи все время ходят, и ничего – отбиваются.
- А штуцер тебе на кого нужен? – не успокаивался в своих волнениях Орри.
- На всякий случай. Если вдруг водяной конь появится. Говорят, вроде видели в Уларе такого, хоть и не знаю, правда оно или нет.
- Погодь... Водяной конь вроде в Зимнем море водится. Сам в книжке читал, – нахмурился гном.
- Верно. Там он вообще гигантский, шхуну может утопить. А в реках и озерах поменьше, но все равно метров на десять бывает, если с хвостом и шеей считать.⁴⁰ Вот для него и штуцер.
- Ты его видел?
- Нет, что ты. Слышал от заслуживающего доверия человека, что тот знает другого человека, который видел. Вот так.
- А-а, ну ладно, – успокоился Орри и ушел в рубку: приближался поворот.
- Из трюма поднялся Балин, вынеся два ружья – вовсе не обрезанных, а просто короткоствольных,⁴¹ и здоровенную коробку с патронами. Это у гномов есть манера называть подобное оружие обрезками. Впрочем, у нас их вообще «огрызками» зовут. Одно ружье я сразу же

⁴⁰ *Водяной конь* – разновидность водяного ящера, очень напоминающего доисторического плезиозавра, но с шеей чуть короче и головой покрупнее, напоминающей крокодилю. Голова и верх шеи покрыты толстыми роговыми щитками, на конце хвоста есть шипы. Поэтому стрелять ящера рекомендуется в грудь, потому что щитки пуля может и не пробить. Либо пользоваться особо мощными штуцерами, как у Орри, которые щитков не пробьют, может быть, но дух вышибут.

⁴¹ *Короткоствольные двуствольные ружья* – популярное оружие самозащиты в Великоречье. Для тех, кто нуждается в оружии для самозащиты от монстров и нечисти дома или, скажем, в поездках, производятся ружья 10 и 12 калибра со стволами без сужений, длиной от 40 до 50 см. В силу небольшой длины они достаточно мобильны и на небольших дистанциях боя чрезвычайно смертоносны, особенно при стрельбе дуплетом. А короткоствольные одностволки из-за их дешевизны и простоты конструкции вообще имеются в каждом доме, даже у крестьян в Старых княжествах. Все лучше для самообороны, чем, к примеру, топор. К тому же умелые стрелки тоже любят одностволки – в них просто чередовать разные типы патронов. А хороший стрелок может палить из одностволки со скоростью примерно один выстрел в три секунды. И попадать при этом.

сунул ему, заставив набить патронами карманы, а второе отнес шкиперу. Пусть наготове будут. И сам свою «вампирускую» двустволку приготовил.

Затем Балин опять сбегал в трюм и притащил восемь штук динамитных шашек, к которым нашлись шестисекундные готовые запалы, делавшие их чуть ли не гранатами. Явно хозяин баржи возил этот динамит для обороны от тварей болотных – очень уж стандартный набор получился вместе с двустволками.

Мы поделили шашки пополам – по четыре каждому, и я распихал их по карманам. Лучше уж быть готовым к любому повороту событий.

Вскоре из камбуза через вентиляционный короб потянуло жарящимся беконом. Все начали настороженно принюхиваться – даже Лари. Бешеный прорыв через город на захваченном броневике, стрельба и захват баржи, и все это с утра и на свежем воздухе – лучшая утренняя зарядка. И аппетит возбуждает.

Глава 5, в которой герой и его спутники вступают в тяжелый бой с чудовищами и в которой Орри обращает внимание Волкова на то, что тот не замечает очевидного

Орри ошибся. Добралась мы до бакена, обозначавшего начало опасной зоны, примерно к полудню. Да и бакен не слишком нужен был: здесь бы и совсем дурак понял, что Дурное болото близко. Постепенно понижавшийся берег опустился почти на уровень воды, а затем его быстро затянуло непроглядным туманом. Постепенно туман напоз на блестящую поверхность реки почти до ее середины, навис сверху мутной дымкой, закрывая небо и превращая солнечный день в пасмурный. Похоже это было скорее на ранние сумерки.

Про местную нечисть я знал больше в теории, плавать мне раньше в этих местах не доводилось. Такая обстановка была для меня внове. Признаться, я сам не ожидал, что все это будет настолько гнетущим, хоть мне немало рассказывали про это место. Впрочем, помнил я и о том, что днем суда проходят здесь чаще всего без происшествий. Ночью, правда, сюда вообще никто не суется...

Орри, вцепившись в штурвал, вел баржу от одного буя к другому, покачивающемуся на мелкой волне и побрякивающему колокольчиком. Цепь этих оранжевых конусов обозначала правую границу фарватера. Заходить за них совсем не рекомендовалось. Дальше туман резко сгущался, и потеряться в нем можно было без всякого напряжения. И теряются у Дурного болота обычно безвозвратно. Хотя вру, иногда возвращаются, но таким возвращениям совсем никто не рад – это чаще всего.

Чем дальше в туман, тем глуше становились звуки, вязли в нем, будто в вате. Левый берег проглядывал сквозь дымку темной полоской, а по правому борту видимость была метров тридцать – и то в лучшем случае. Если что кинется из тумана, то с пулеметом среагировать не успею. Поэтому я от «максима» отодвинулся и половчей перехватил «вампирский» дробовик, заряженный на этот раз обычной картечью.

Маше тоже было не по себе. Она кусала губы, нервно оглядывалась. Сначала я хотел загнать ее в каюту, но все же не стал. Не уйдет – не тот характер, да и пригодиться она может со своим колдовством. Даже Лари выглядела напряженной, что для нее вообще нехарактерно. Обычно вид у демонессы расслабленный и немного дурашливый в любых обстоятельствах.

– Муторно на душе что-то... – пробормотал Балин.

– Мне тоже, – согласился я. – Давай к рубке поближе переберемся. Если кто сунется, будем шкипера с тыла прикрывать.

Гном кивнул молча и переместился к рубке. Я последовал за ним.

– А нам куда? – спросила Маша.

– К спуску в трюм. Если кто полезет – бейте со всех стволов, а потом ныряйте вниз. Понятно? – негромко пробормотал я.

– Хорошо, – согласилась колдунья.

И впрямь что-то муторно. И взгляд ощущаю все время, голодный и злой, но какой-то несфокусированный. Непонятно откуда и даже непонятно на кого. Как будто просто накрыло нас не туманом, а облаком концентрированной злобы. Мурашки по спине вперегонки бегают, и волосы шевелятся на затылке самопроизвольно.

Но все шло тихо. Судовой дизель равномерно молотил под палубой, вода плескалась в борта, туман обтекал нас с двух сторон, как бы расступаясь вокруг баржи и смыкаясь за кормой. Словно кто-то перед нами занавес раздвигает и задвигает его позади.

Что-то сильно плеснуло возле самого борта. Все подскочили от неожиданности.

– Что это? – нервно спросила Маша.

– Мало ли... – пожал плечами Балин. – Может, и рыба. Рыбы в Уларе прорва.

– Хрена лысого это рыба, – процедил я. – Рыба к фарватеру здесь близко не подходит, вся под берегом. Страшно тут рыбе. Любая живая тварь зло чует.

С этими словами я чуть приподнял стволы ружья. Этого оказалось достаточным для всех. Балин с двойным щелчком откинул курки своего «огрызка», и даже Орри в рубке поступил точно так же, хоть на первый взгляд к разговору не прислушивался.

– А что это в таком случае? – спросила Маша, перейдя на шепот.

– Местный обитатель. Нечисть какая-то.

– Нападут? – заметно испугалась она.

– Откуда я знаю? – пожал я плечами. – Могут.

Плеск повторился. Теперь уже с другой стороны. И вроде бы даже ближе к борту. Балин шагнул было в ту сторону, чтобы посмотреть, кто там плещется, но я за рукав оттащил его обратно.

– К бортам не приближаться! – громко сказал я, чтобы все слышали. – Много местных тварей кидаются прямо из воды на тех, кого увидят. Держаться середины палубы!

Палуба на барже широкая, метров пять. Место есть, где разместиться, тем более что с тыла нас рубка прикрывает. Ох, чует мое сердце, что неспроста все это.

– Если из воды что полезет, дайте сначала высунуться, а уже потом стреляйте, – продолжал я командовать. – А то у нас перезарядка небыстрая.

– Понял, – буркнул Балин.

Снова плеск воды, затем еще один. С двух уже сторон. Точно, кто-то увязался за нами, о чем я всех и оповестил. А затем справа от меня в борт вцепились две когтистые, скользкие темно-зеленые лапы, по форме удивительно напоминающие человеческие руки, разве что поменьше. И еще через секунду на борту оказалась рогатая, зубастая жаба с глазами, светящимися красным. Ну почти жаба – по крайней мере, пасть по пропорциям очень похожа. Только с коротким хвостом с гребнем и шея подлиннее. Скользящая, бородавчатая, с густыми слюнями, капающими из зубастой пасти. Небольшие черные рога, направленные вперед.

Распахнула пасть, усаженную длинными тонкими зубами... и поймала ею заряд картечи, влетевший через глотку прямо в голову и вырвавший твари затылок. Жабу швырнуло за борт, но на палубу выскочили сразу три одновременно. Две были у самой кормы и длинными прыжками сократили расстояние, приземлившись на доски с влажным хлопанием, а еще одна выскочила слева, успела завизжать на невероятной ноте, вгрызаясь в мозг зубьями циркулярной пилы по металлу, но визг мгновенно прервался резким свистом и ударом – Лари просто разрубила ее пополам своим латигом.

Слева дуплетом бабахнул Балин, голова одной из жаб разлетелась кровавыми брызгами. А по второй ударили одновременно я из заряженного ствола и Маша из правой ладони. В результате я промахнулся – удар Силы отбросил тварь метров на пять назад, перевернув через голову. А еще две жабы разом выскочили на борт со стороны Лари. И сразу же еще одна с моей стороны, справа. Да они всерьез намерены нами пообедать!

Не успевая перезарядить ружье, я его просто отпустил, и оно качнулось у меня на плече на ременной петле. А сам выхватил револьвер, всадил пулю в жабу с моей стороны, затем поймал в прицел вторую, слева, но она успела прыгнуть в нашу сторону и попала под секиру Балина, раскроившую ей череп и вонзившуюся в палубу. Опять мелькнул раздвоенный латиг демонессы, раздался визг, а с той стороны на доски брызнуло бурой кровью.

«Ничего, пока держимся! – подумалось мне, но я мысленно же оборвал себя, добавив: Пока – это пока. Не сглазить бы».

– Вперед! – заорал Орри, и одновременно из рубки донесся грохот ружейного выстрела.

Я не удержался, заглянул туда. В воздухе расплывалось облако порохового дыма, а рама смотрового окна в рубке была перемазана кровью. Это ничего, с той стороны так просто не пролезешь: такие баржи, как эта, не дураки строили. Рубка здесь вообще пуленепробиваемая – никакая жаба не пролезет. А вот заскочить с той стороны и попытаться подобраться к нам вдоль борта – это пожалуйста, это запросто.

Я успел перезарядить двустволку, вбив два толстых патрона в стволы, и был готов принять на палубе следующих гостей. Но пока было тихо, хоть я готов был свою голову прозакладывать против чего угодно: ничто еще не закончилось. Про этих жаб – речных импов – известно было то, что смерти они не боятся, а производит их старшая особь-матка, которая тоже крутится где-то здесь, под водой, и которой таких еще наделать, если этих перебьют, ничего не стоит.

– Балин, динамит давай! – крикнул я. – Надо их матку гнать наверх!

Ждать у моря погоды тоже не годится. Лучший способ защиты – это нападение, вот и попробуем к нему прибегнуть. А сразу матку ничем не выгонишь, пока нескольких ее потомков не уничтожишь. Так, по крайней мере, все мои книги говорят.

Я выдернул цилиндрическую шашку взрывчатки из кармана, поймал зубами хвостик бечевки, торчащий из запала, и рванул его зубами. Треснуло, зашипело, как от зажженной спички. Из огрызка шнура, похожего на окурочок папиросы, повалил дым, стружкой брызнули искры.

Посчитав до четырех про себя, одновременно молясь, чтобы запал был небракованным, я, размахнувшись, метнул шашку за борт. И через пару секунд глухо там бухнуло, а поверхность воды вспухла большим пузырем. Гидравлический удар мягким молотом ударил в борт баржи, и почти одновременно рвануло с другого борта – Балин тоже ненамного отстал. А я уже рвал бечевку из запала следующего заряда динамита.

Из воды опять выскочила жаба, умудрившись перелететь через борт и упасть мне прямо под ноги. Я едва успел отпрыгнуть назад, когда острые как иглы зубы со стуком сомкнулись в том месте, где только что было мое колено.

Устоять на ногах не получилось, поэтому и выстрелить я не успел. Из распахнувшейся пасти вылетел хлыстом длинный язык, подсек меня сразу под обе щиколотки, а затем тварь резким движением головы выдернула ноги из-под меня. Я рухнул навзничь, роняя ружье и хватаясь опять за кобуру.

Краем глаза я увидел, как на левом борту оказались еще две твари одновременно, отвлекая бросившихся было мне на помощь Балина и Лари. Сильный рывок заставил заскользить меня по доскам палубы на спине, и я едва успел вцепиться руками в проем двери в рубку, иначе мои спутанные ноги уже исчезли бы в жабьей пасти. Силы у чудовища было с избытком, даром что оно раза в два меньше меня.

Спасла меня Маша, выпустившая из ладони сверкающую, ветвящуюся молнию. Треснуло разрядом, запахло одновременно озоном и гарью. Жаба дернулась и отлетела назад, волоча мгновенно ослабший и соскользнувший с моих ног язык за собой. А затем в нее угодила дуплет картечи из дверей рубки – это уже Орри помог, вмешался в заваруху.

Я перекатился, схватил как последнюю надежду выроненное ружье, встал на колено. Балин с Лари еще отбивались – твари словно ускорились, даже латиг, вертевшийся в воздухе, не мог попасть по уворачивающейся жабе. Она отскочила в сторону, разрывая дистанцию, оказавшись на корме баржи. Вторая же, совершив невероятный прыжок с места, заскочила на крышу рубки, выстрелила оттуда в увернувшуюся Лари языком, но все же попала под раздвоенный хвост латига, раскроивший ей череп.

Маша подхватила с палубы бесполезно валяющийся «таран» и дважды выстрелила в сидящую на корме жабу, ни разу не попав, но заставив ее прыгнуть за борт.

Где матка? Драка пошла во всю ширь – теперь она обязательно должна появиться. Или те, кто книжки пишет про монстров, ни черта в них не понимают.

Матка оказалась совсем не похожей на своих питомцев. Больше всего она напоминала длинную ящерицу с широкой, как раскрытый чемодан, башкой, с гребнем вдоль всей спины и жуткими когтями, под которыми беспомощно крошился деревянный планшир. Она появилась из воды совершенно бесшумно, выскочив до того места, где у нее должен быть «пояс», и опершись передними лапами на борт, заваливая широкую, увесистую баржу в крен. Сверкающие каминными углями глаза уставились на нас, сгрудившихся возле рубки. Даже частично показавшись из воды, она нависала над нами сверху.

– Маша, щит! – заорал я, сделав это своевременно.

Едва перед нами возникла искрящаяся полусфера, как ящер выбросил из пасти облако зеленой слизи, осевшее на невидимой сфере и стекшее вниз. Доски палубы в том месте, куда упали капли, зашипели и задымелись.

– Щит! – вновь крикнул я, и сфера, мигнув, рассыпалась искрами.

А я влепил в морду ящера картечью из двух стволов, дуэтом – так, что у меня чуть не вывернуло плечо. Две порции картечи с такого расстояния – не шутка. Голова матки откинулась под страшным ударом, брызнула бурой кровью, облаком повисшей в воздухе. Тварь чуть не сорвало с борта, но глубоко впившиеся в дерево когти удержали ее на месте. Но удержали только для того, чтобы выхватившая у Маши помповик Лари начала всаживать в грудь и шею заряд за зарядом, рвущие мышцы и жилы, вырывающие куски зеленой плоти. «Таран» подпрыгивал при каждом выстреле, плевался огнем – и пять раз подряд честно рванул свистящими кучками свинца осклизлую плоть твари. Бабахнул дуэтом из двустолки Балина. Но точку поставили все же не они, а штуцер старейшины Рарри, с которым высунулся из рубки Орри Кулак.

Орри вскинул свою двустолку пугающего калибра, утопил крючок и... Я оглох на левое ухо, а длинный пучок пламени вырвался сначала из верхнего, а затем, через пару секунд, из нижнего ствола. И второй выстрел был уже лишним. Монстра сбilo с баржи и швырнуло в воду уже первым попаданием. Удар пули шестисотого калибра весом шестьдесят граммов – дракона на задницу усаживает, не то что матку речных импов. Вторая пуля ударила молотом в уже неподвижное тело, покачивавшееся на волне и медленно погружающееся, выбив фонтан воды и крови, перевернув тушу и закружив в медленном водовороте.

– Все, что ли? – спросила Лари, быстро заталкивая патроны в помповик.

– Все, – ответил я, переламывая стволы «вампирки».

– Уверен? А мелочь? – спросила уже Маша, тяжело дыша.

– Матку убили, мелочь сейчас сама помрет. Они друг без друга не живут, – ответил я, запихивая патроны.

– Точно, я в книжке читал, – подтвердил стоящий в дверях Орри, воинственно держащий свой убийственный, но разряженный штуцер наперевес. – Дальше спокойно пойдём. Импы даже нечисть вокруг распугать должны были.

– Точно? – на всякий случай переспросила меня Маша.

– Точно, – кивнул я. – Они всех подряд жрут, другая нечисть им тоже годится. Так что дальше спокойно пойти должны. Но до выхода из тумана все равно никому не расслабляться.

– Расслабишься тут, – к моему удивлению, заявила до сей поры бесстрашная Лари.

Машу, слегка утомленную, я отправил в купеческую каюту отдыхать. Балин ушел к дизелю, а мы с Лари остались караулить на палубе. А заодно помыли ее из шланга, сгоняя за борт сильной струей речной воды кровь, ошметки грязно-зеленой плоти и куски каких-то

непонятных костей. Досталось импам все же неплохо. Пришлось даже на крышу рубки лезть, где Лари своим кнутом разрубила череп одной из тварей.

Ружей из рук не выпускали, а я мысленно отметил, что лучше коротких двустволок десятого калибра для такого боя еще никто ничего не придумал. Хоть с каждого ствола поочередно бей, мало один хрен не кажется. А хоть дуплетом – тогда вообще как тур-ящер пробежал.

Однако дальнейший путь мимо Дурного болота прошел почти спокойно. Один раз из тумана над головой вылетела непонятная тварь, напоминавшая лысую, уродливую обезьяну с кожистыми перепончатыми крыльями, но нападать не стала. Лишь завывала истошно, замахала крыльями, гоняя клубы густого, как кисель, тумана, и исчезла в нем, зависшем над нами сплошной серой пеленой. А вскоре и крик затих.

Несколько раз замечали длинную скользкую черную спину какой-то большой подводной твари, время от времени поднимавшейся к самой поверхности, но нападать на нас она не стала, да и намерения такого не проявляла. Возможно даже, это была не нечисть, а некий водяной монстр такого калибра, что ему никуда лезть не страшно. Драконы те же – тоже с нечистью ничего общего не имеют, а заодно ее в упор не замечают.

Через пару часов Дурное болото осталось позади. Как-то моментально посветлело – сначала пробилось, а потом засветило во всю мощь солнце, веселя душу и согревая дрожащее от непонятного озноба тело, а перед нами опять раскинулась во всю свою почти километровую ширину река Улар. Велики здесь реки, в Старом мире таких и не было, если книгам верить. Точнее, было, но уже в низовьях, а реки здешние в нижнем своем течении уже на моря похожи.

Дальше Лари завалилась на корме загорать, убив меня окончательно белизной кожи и совершенством форм – и чего загорать, если загара нет и даже обгореть не получится? – а я ушел в рубку к Орри, благо для двоих там места хватало вполне. Даже два высоких вращающихся стула имелись.

– Ну что, как посудина? – спросил я нашего шкипера.

– А хорошая, – степенно заявил тот. – Так и ходил бы на такой от верха до низа Великой.

– Лучше, чем грузовик? – подколол я.

– Грузовик – особь статья, а баржа – особь статья, – ответил гном, переиначив, сам того не зная, фразу исторической личности с нашей исторической родины. – На грузовике такого степенства в поездке нет, да и товара на нем поменьше везешь. Была бы баржа твоя – напросился бы с тобой годик-другой поработать. У меня два года «большой жизни»⁴² не израсходованы.

– Хм... Смотри, на слове поймаю.

– Будто у тебя баржа есть, – усмехнулся в бороду Орри.

– Если Пантелея своего выловлю и премии подобающие получу, куплю баржу. И «полевик» пассажирский.

– Машина-то тебе зачем? – не понял гном. – У тебя же полуторка, зверь-машина. Что может лучше-то быть?

– «Полевик» на палубу загнать и укрыть – без проблем. Понял, борода?

– А... Ножки лень топтать там, куда приедешь? – съехидничал в ответ Орри. – Но мысль здоровая. Весу в нем всего ничего, загнать по мосткам не проблема, а ездить всегда лучше, чем ходить. Недорого, и четверых везет. Все уместится.

– Все? – удивился я. – Ты это о чем?

⁴² «Большая жизнь» – специфический гномий обычай. В возрасте около сорока лет гном может отправиться пожить в большом мире, поодаль от своих гор, на четыре года. Делается это для того, чтобы молодежь осознанно принимала решение оставаться в общине со строгими правилами (сорок лет – для гнома не возраст). Большинство гномов из тех, кто воспользовался «большой жизнью», возвращаются назад, единицы остаются жить среди людей, но их никто не винит. Если же гном покидает общину не в период «большой жизни», то его полагают если не предателем, то кем-то вроде того.

– Будет у тебя баржа – наймусь в шкипера однозначно. Очень пока такая жизнь по мне. А водить, как я, ты в жизни не сумеешь. А еще колдунья и эта... демоница голая.

– Демоница, положим, голая только наполовину, – встал я на защиту справедливости, хоть то, что на ней осталось, на звание «одежды» никак претендовать не могло. – А потом она со мной временно, на этот раз только. Надеюсь, что Маша останется, очень хорошо с колдуньей на охоте, но даже не спрашивал пока.

– А ты спроси, – посоветовал Орри. – Девка на тебя такими глазами смотрит, а ты «не спра-а-ашивал».

– Это какими? – удивился я.

– А такими... влюбленными. Не видел, как она защищать тебя кинулась, когда тебя жаба потащила?

– Можно подумать, что если бы тебя потащила, то она не кинулась бы, – усомнился я.

– Кинулась бы, – кивнул гном. – Но не с таким лицом. Приглядишься, короче. А то на демоницу распутную все тарачишься. А колдунья девочка скромная, на глаза не лезет, не то что эта... – Орри ткнул пальцем в сторону кормы, но тон его, несмотря на текст речи, был скорее сожалеющим.

Вот оно как! И тут природные тифлинговские чары прокатились. Однако речь степенного гнома в защиту высокого чувства заставила меня задуматься. Я еще не забыл первоначального недружелюбия Маши, вот до сих пор стараюсь дистанцию удерживать, чтобы ее не напрягать. А если задуматься да недавнее повспоминать, то как бы смысл такого моего поведения теряется вовсе. Нет никакого смысла, в общем. А Маша мне нравится. А кому она может не понравиться? И красивая, и умная, и молодая...

Странно, однако, что я эдаких влюбленных взглядов не заметил. На меня это непохоже. А не врет ли мне, часом, Орри? В издевательских, например, целях? Ладно, не буду дурака изображать и у него выпрашивать, попробую сам присмотреться. Может, и вправду говорят, что в последнюю очередь видишь то, что под носом?

Да, кстати, чуть не забыл. Я вышел из рубки и пошел в трюм, в каюту, чтобы достать из рюкзака сыскной ордер и ордер арестный. Надо бы Орри с Балином в бумагу вписать, чтобы завтра проблем и вопросов меньше было, если на своих наткнемся. А мы на них наткнемся наверняка.

Глава 6, в которой друзья вынужденно, но с удовольствием бездельничают, а герой получает полезную телеграмму

Утром следующего дня мы вышли к устью Улара, к тому самому месту, где он впадает в Великую. Дошли спокойно, ночью меняясь у штурвала и не останавливаясь. Вставать на якорь что у берега, что на середине реки ночью разумным не считается. Мало ли кто вскарабкается на борт по якорной цепи? Или в порту стой, или не стой вообще. А вот движение от девяти неприятностей из десяти потенциальных спасает. Не так просто уцепиться за высокий, обитый металлом борт судна, идущего на восьми узлах. И при этом еще под винты не попасть.

В общем, постоял и я два часа возле штурвала, как раз в «собачью вахту», но меня это беспокоило мало. Лег спать я в шесть часов вечера – в капитанской каюте да на свежих простынях. И к тому времени, как подошла моя очередь, отоспался за всю мазуту. Потому как перед этим долго поспать не удавалось. Три ночи, считай. Да еще таких ночей, что врагу не пожелаешь.

А на подходе к устью меня отеснил от большого, легко вращающегося стального колеса Орри Кулак, тоже хорошо проспавшийся, умытый, с расчесанной бородой и даже благоухающий каким-то одеколоном. Прямо не шкипер баржи, а капитан «Ласточки». ⁴³ Разве что вместо кителя оттертый от пыли кожаный реглан и все те же шоферские очки на лбу. Хотя, на мой взгляд, фуражка-капитанка была бы куда актуальней. Как раз такую в каюте нашел, но Орри ее отверг.

На мысу, образуемом течением двух рек, возвышался форт, возле которого у пристани стояли два малых сторожевика – семнадцатиметровых посудины с пушкой на носу и крупнокалиберной спаркой на корме. Патрульный катер неторопливо резал своим острым форштевнем середину фарватера, и стоило нам появиться в поле зрения – недвусмысленно навелся на нас. Видать, с той стороны, из верховий Улара, ничего путного не ждали.

Слияние рек – позиция более чем стратегическая, вот и гарнизон форта больше чем наполовину артиллеристами был укомплектован – это я еще по временам своей службы помнил. И стволов этой самой артиллерии было здесь не меньше дивизиона. Причем не только на закрытых позициях, как в том же Пограничном, но виднелись за бетонными брустверами длинные стволы полковушек ПП-4 с массивными дульными тормозами на них. Из такой монитор насквозь пробить можно, так что без ведома гарнизона здесь не то что баржа – мимо жаба не проплывет. Разнести в этом месте могут что угодно, причем в щепки. А сектора обстрела с высокого мыса – залюбуешься.

Были и признаки военного усиления: вдалеке, высоко в небе, неторопливо плыл вытянутый силуэт дирижабля с казавшейся крошечной гондолой снизу. Это уже нетипично: дирижабли в мирное время за просто так никто не гоняет. А этот явно на патрулировании – с дирижабля и связь куда хочешь дотягивается, и видно все как на ладони, и висеть он неделю может, а то и месяц, пока у экипажа вода со жратвой не закончатся. А при необходимости и отбомбиться неслабо. По подвижной цели особо не попадет, а вот по городу или по лесу канистры с напалмом побросать – это запросто. От четырех до пяти тонн таких канистр загрузить можно.

– Патруль. По нашу душу, – сказал Орри, указав на катер, который заложил резкий вираж на середине речного плеса и рванул к нам, неся по носу немалый бурун.

– Естественно. Война же, да и вообще, здесь всегда проверки, – подтвердил я его догадку.

⁴³ «Ласточка» – серьезный пассажирский пароход, курсирующий по Великой.

– А тут с кем граница? Для меня с воды здесь места незнакомые, я все больше по дорогам катался.

– С Марианским баронством. Вон видишь? – указал я пальцем на небольшую деревянную крепостцу на холме на противоположном берегу. – Там у них застава, копейный десяток⁴⁴ граничной баронской стражи штаны протирает.

– Вроде целое все, – прищурился Орри, разглядывая крепость. – Не долбили по ним. Видать, с марианцами войны нет.

– Да и с Виращем нет, по всему видать, – поделился я своей идеей. – Скорее всего, даже если Виращ по уши в этом деле, все равно там что-то не так. Считаю, чутьем или логикой, но я уверен.

Ввиду полного отсутствия любой связи и новостей приходилось обходиться догадками.

– А я что? Я ничего, – пожал плечами гном. – Я и не спорю. Похоже на то. Мы же в толпе этой швали успели, считай, половину дня покрутиться, там даже с Южного берега народ был. И из Гуляйполя хватает.

– Из Гуляйполя? – слегка удивился я. – Интересно.

Вспомнился мне, естественно, Вова Труба, с которым мы подрались в Бродах. А ведь он, скорее всего, ехал не за головами разбойников, а поучаствовать в захвате и разграблении Пограничного. И ехал как раз с территории княжества, где таких, как он, может, и не любят, но гонять необходимым пока не считают. А раньше от них польза была. Кстати, убиенный мной любитель пистолетов ручной работы и роскошных плащей баронет ас-Мирен – тоже ведь из этого недоброй памяти города. А сам родом из Вираща. Что-то слишком уж много в этой истории совпадений.

А ведь тоже умный маневр – одни безобразничают, другие вроде как за ними гоняться должны, а на самом деле и те и другие в сговоре и цель у них совсем иная. Гибкий и прозорливый ум за всем этим чувствуется. Знать бы точно, чей именно. Ашмай?

Тем временем патрульный катер подошел к барже, держа ее под прицелом крупнокалиберной спарки и ПКС на крыше рубки. Дадут – мало не покажется. А заодно я заметил, что одна из полковых пушек форта держит нас в прямой наводке. Серьезно подготовились. Впрочем, подготовились и мы, только по-своему – убрали пулемет, к демоновой матери, с палубы вместе с патронными коробками и запрятали его под дизель, куда Балин показал. Если вдруг, то не доищешься. Не положено гражданским лицам, даже купцам, пулеметы в собственности иметь, а уж в военное время можно таких проблем за это огрести – никакая «сыс-куха» вместе с самим Бердышовым⁴⁵ не поможет.

На катере на палубе было четверо. Голова стрелка торчала из барбета, один в рубке за штурвалом, и еще двое с укороченными СВТ-К готовились перепрыгнуть к нам на борт. Все в черных беретах и черной же форме, в полосатых тельниках, видных в вырезах форменок, на груди знак пограничной стражи.

Нет, не четверо, а пятеро их. В рубке еще сидел унтер с СВД в руках, невидимый до последнего момента. А теперь он поднялся над невысоким бронебортом и крикнул:

– Кто такие?

– По поручению Департамента контрразведки, – ответил я по максимально солидному варианту. Все другие версии звучали бы хуже, на мой взгляд.

– Ага... – задумчиво протянул унтер. – Во как... И доказать сумеете?

– Сумеем, – кивнул я, выходя из рубки.

По собственному опыту службы знаю – в такие моменты лучше всего продемонстрировать открытость и дружелюбие. Погранцы в курсе, что Пограничный захвачен, и своих с той сто-

⁴⁴ *Копейный десяток* – десять копий, по три бойца в каждом, то есть 30 человек.

⁴⁵ *Петр Бердышов* – генерал, начальник Тверской контрразведки.

роны не ждут. Раз уж мы нарисовались – надо быть готовым к тому, что нам все сидоры выпотрошат и все извилины заплетут. А как иначе?

Я под пристальными взглядами пограничников, быстро перепрыгнувших к нам на борт, извлек футляр с бумагами, после чего подробно и детально показал каждую из них, провел рукой над печатями, идентифицируя себя, затем поочередно то же самое проделали все из моей команды – гномы, люди и демоны. Однако этого не хватило для того, чтобы быть отпущенными.

– Давайте к берегу и швартуйтесь к пирсу, – скомандовал унтер. – По-любому придержим вас до телеграфного подтверждения. А заодно и отдохнете.

Последнюю фразу он уже произнес для того, чтобы смягчить впечатление, а общий сигнал был нам всем понятен – дуем к берегу и не петюкаем. Если проблем не хотим, например снаряда в борт.

Орри вопросительно глянул на меня, но и в его глазах никакого энтузиазма на предмет покачать права я не заметил. Скорее, он выглядел вполне готовым к внеплановому отдыху.

– А чего думать? Давай к берегу, – сказал я. – Еще легко отделались.

Чтобы мы в благоразумии своего решения не усомнились, на борту у нас остались двое погранцов. И наша медленная баржа пристроилась в кильватер быстрому катеру, и так мы не торопясь добрались до небольшого затона, в котором было несколько свободных швартовочных стоянок. Причем все это время мы были сопровождаемы стволом пушки из форта.

Орри ловко подогнал неуклюжую баржу к пирсу, мы с Балином не менее ловко подтянули ее канатами к кнехтам, уперев в пирс старыми автомобильными покрышками, после чего выбрались на палубу и разлеглись в вольных позах, решив позагорать. Катер снова отвалил на середину реки, а пограничники вопросами нашего задержания особо не заморачивались – лишь выставили парный пост у входа на пирс и подтянули трос на выходе из затона. В общем, наша же посудина стала нашей тюрьмой.

А я еще порадовался, что баржу обыскивать и документы на собственность проверять никто не стал. Хотя такого и не бывает, чтобы кто-то в этих местах на краденой барже катался. Поймают сразу: тут все под контролем. Бортовые номера под учетом, приметы имеются, владельцы и шкипера зарегистрированы. Если впервые идешь, регистрируйся у начальника порта, а тот немедля передаст сведения пограничникам, какие в нашем, например, княжестве еще и за таможенников. Поэтому все пиратские трофеи сбывались намного ниже по течению, в Гуляйполе или в тех Старых княжествах, что раскинулись по берегам Великой между Ярославским княжеством и Нижегородским. Там уже не так просто попасться, да и притоки, которые Новые княжества не контролируют, там такой длины, что в Великую можно вообще никогда не выходить. Я старые карты видел, из прошлого мира, так там иная главная река меньше какого-нибудь из притоков Великой. Там люди мосты строили через реки, а тут такую роскошь разве что над ручьями и в самых-самых верховьях позволить себе могут.

Что расстраивало – так это что общаться с нами отказались до поступления телеграммы из Твери. А меня так и подмывало расспросить о новостях. Считай, два дня уже без оных, а события развиваются так кучеряво, что за это время могло что угодно случиться. Ну да ладно, придет телеграмма – расспрошу.

Вскоре все хождения возле пирсов прекратились, и лишь двое часовых были вынуждены нюхать запахи готовившегося у нас на борту завтрака. К моему удивлению, за приготовление одного взялась не только Маша, которой завтрак был нужнее всех, но и Лари. Но это, наверное, от скуки – с чего бы еще?

Ели тоже на палубе, натянув тент на четырех бамбуковых шестах и закрепив его растяжками на швартовочных утках, в общем – пикник настоящий устроили. Нашлось даже холодное пиво в бочонке вроде моего, причем немаленьком – литров на двадцать. Если бы не Пантелей,

то можно было бы вообще никуда не спешить. Весна сменялась летом, и погода стояла идеальная для отдыха на пленэре.

Болтали, смотрели на реку, занимались кто чем, Орри полез в трюм с рулевым управлением заниматься, Балина от дизеля отогнать невозможно было. Я расстелил кусок ткани на палубе и сел за чистку оружия, Маша грызла засахаренные орешки, загорая и глядя на облака, а Лари вдруг взялась упражняться со своим латигом, сшибая им по сантиметру с воткнутых в щели между досками пирса веток. За ветками она, кстати, умудрилась послать проходившего мимо матроса со сторожевика. Думаю, она бы могла запросто уйти и по форту гулять, но осталась с нами из солидарности.

Так лениво провели время до обеда. Кашеварить опять взялись колдунья с демонессой. И когда обед был уже съеден, последовавший за ним чай выпит, на склоне, ведущем к затону, появился вестовой с красной повязкой на рукаве. Молодой, лет восемнадцати, боец, явно недавно призванный, отчаянно белобрысый. Пройдя меж разошедшихся в стороны караульных, он вышел на пирс, помахивая сложенной вдвое желтоватой бумажкой. Развернул ее, сверился с чем-то, потом спросил:

– Господином Волковым Александром здесь кто будет?

– Я буду, – махнул я вестовому рукой, не отрывая задницы от досок палубы.

– Телеграмма для вас пришла. И командир просит к нему подняться, я провожу.

Он поднялся по мосткам на палубу и протянул мне бланк телеграммы. Я заглянул в нее, прочитал:

«КОМАНДИРУ 4 ОПОТР МАЙОРУ РИХТЕРУ ТЧК ПОДТВЕРЖАЮ ПОЛНОМОЧИЯ ОХОТНИКА НАЙМУ АЛЕКСАНДРА ВОЛКОВА ДЕЛЕГИРОВАННЫЕ ПОРУЧЕНИЕМ СЫСКУ НОМЕРОМ ДВАДЦАТЬ ДВА ДРБ ПЯТНАДЦАТЬ ТЧК ОКАЗЫВАТЬ ВСЕМЕРНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ВВИДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ ИСПОЛНЯЕМОГО ПОРУЧЕНИЯ ТЧК БЕРДЫШОВ».

Была и вторая телеграмма, лично мне:

«ВОЛКОВУ ТЧК БЛАНК РАСПОРЯЖЕНИЯ УТРАЧЕН РЕЗУЛЬТАТЕ ИЗВЕСТНОГО ИНЦИДЕНТА ГУЛЯЙПОЛЕ ТЧК ВЯЛЬЦЕВ».

Ага, вот оно как. При ликвидации явки, где на Пантелея засада была, захватили. Логично. А вот первая телеграмма – очень даже хорошая телеграмма, надо будет впрок сохранить. Звучит солидней некуда. Можно сразу сдаваться. Я подхватил с палубы свою рубашку, натянул кое-как и пригладил, смочив ладонь, растрепанные волосы. Раз командир зовет, надо выглядеть прилично.

– Давай веди, – сказал я вестовому, поправив пояс с кобурой.

Тот резво пошел впереди, я едва за ним успевал. Мы поднялись по заглубленной в склон и прикрытой от обстрела с воды лестнице, вошли в ворота форта, возле которых маялись двое часовых. Обычно один стоит, а тут – усиление: сразу же смена одиночных постов на парные.

Внутри форт ничего интересного собой не представлял. Все как в других подобных местах. Бревенчатые здания штаба и казарм, камуфлированные машины под навесами, караульные вышки по углам, в них – пулеметные гнезда за мешками с песком. Оттуда виднеются головы караульных. В нескольких местах из окопов, обложенных мешками с землей по краям, торчали задранные в небо стволы стомиллиметровых гаубиц. Виднелась и минометная батарея. Да, этих так просто не возьмешь – четыре батареи артиллерии в обороне, да еще и весь спектр по боевому применению перекрывают.

Однако признаков войны здесь не было видно. Ни бетонные стены укреплений, ни бревна частокола никаких следов обстрела не имели. От всего веяло военной аккуратностью и ухоженностью. Дорожки в форте заасфальтированы и тщательно выметены, травка пострижена, бордюры белым крашены. Устав в чистом виде.

Я прошел за вестовым в штаб, проскочил мимо стойки дежурного по части, поздоровавшись с пограничным поручиком, а затем зашел в кабинет с табличкой «Командир 4 ОПОтр. майор Рихтер Б. В.».

Майор оказался невысоким, худощавым, седоватым, с аккуратной эспаньолкой офицером в повседневной, что меня удивило, форме. В армии есть традиция: в отдаленных гарнизонах все ходят в полевой форме, а повседневную носят только при поездках в большие гарнизоны. А тут на тебе.

Он был не один: справа от него сидела смуглая миловидная полуаборигенка в черной форме прапорщика с серебряными кантами и уставным колдовским жезлом. Ага, штатная колдунья гарнизона. Интересно, как она, такая хорошенькая, оказалась в таком захолустье? Аборигенская кровь повлияла, или двоечница? Или карьеру побыстрее хочет сделать? Тогда начинать с подобной дыры даже полезно.

– Господин майор, охотник Волков, – представился я, не разбавляя речь излишками бальзама на его душу в стиле «прибыл по вашему приказанию», или «прибыл для беседы».

– Присаживайтесь, Волков, – кивнул майор, указывая на стул перед своим столом.

Я присел на жесткий конторский стул, который был придуман еще в те времена, когда эргономика считалась лженаукой, а любой занимающийся ею был достоин расстрела на месте. Кое-как разместился, столкнулся взглядом с колдуньей, мимолетно улыбнувшейся. Затем выжидательно уставился на майора.

– Телеграмму мы получили. – Майор постучал пальцем по лежащему перед ним на столе голубому бланку – второй копии. – Департамент контрразведки вашу благонадежность подтвердил. Но у меня есть вопрос.

– Я слушаю, – вполне нейтрально подтолкнул я его к продолжению беседы.

– Как вы вырвались из Пограничного? Нам доподлинно известно, что город захвачен и блокирован превосходящими силами противника.

– Если у вас есть связь с командованием тамошнего гарнизона, можете выяснить все подробности, – пожал я плечами.

– Связи у нас нет, иначе я так бы и поступил, – спокойно ответил майор. – Поэтому у меня есть лишь один способ не допустить прорыва в Великую враждебных элементов оттуда – проверять всех и каждого. А Мона проверит ваши ответы на соответствие истине. Она это очень хорошо умеет.

Мона в погонах прапорщика опять улыбнулась, и я почувствовал неслабую и очень «аккуратную» струйку Силы, прошедшую через меня насквозь. Нет, не двоечница. Не Маша, конечно, но и не олухи из Пограничного. Хорошее, ловкое, естественное управление потоком энергии. Наверняка унаследовала от своей аборигенской «составляющей» такие способности. Значит, или в неблагонадежных числится, или за карьеру бьется.

Впрочем, скрывать мне было нечего, и я не торопясь, со всеми подробностями рассказал историю нашего побега. Мона не прерывала, не мешала, я время от времени ощущал лишь короткие уколы Силы, не подавая виду, что я их чувствую. Когда же майор перешел к целям нашего путешествия, равно как и к вопросам собственности на баржу, я заперся намертво, сославшись на тайну расследования, и даже отчеркнул в ордере ногтем слова «без общего уведомления о личности такового», подразумевая, что они должны снять все вопросы о том, чья у нас баржа.

Майор достаточно справедливо указал на несколько логических нестыковок в моем заявлении, в результате чего я вынужден был сознаться, что баржа первая попавшаяся, какую нам удалось захватить во время бегства. После этого майор лишь протянул мне пустой бланк телеграммы и предложил повторно обратиться к контрразведывательному начальству в Тверь, если мы не хотим продолжить свой путь пешком или на перекладных.

Я понял, что попытки спорить ни к чему не приведут. Тем более что со своего места я мог разглядеть, что за раскрытый журнал лежит перед майором на столе. А лежал там «Общий регистр торговых судов Великоречья», открытый как раз на букве «Б». И фамилия Бер-Ассат читалась сверху тоже запросто. И название баржи – «Путеводная звезда». Впрочем, примерно четыре из пяти барж назывались именно так, типа добрая традиция, поэтому на название можно внимания не обращать. Но есть еще бортовой номер, введенный с легкой руки пришлых и признанный удобным всеми властями, и этот номер недвусмысленно свидетельствовал: баржа чужая.

Пришлось смириться и написать телеграмму на имя Вяльцева с просьбой, или требованием, считать баржу нашей до окончания операции по изловлению государственного супостата. После чего я телеграмму отдал появившемуся вестовому, а сам был препровожден обратно на судно. Пришлось смириться еще и с тем, что сегодня выход на реку нам никак не светит. Пока там телеграмму до Вяльцева донесут, пока он все согласует, пока обратно отослать изволят – времени пройдет немало. А жаль. Пропал день. Я рассчитывал завтра к вечеру подойти к Гуляйполю.

Мое заявление о том, что продолжаем загорать, вызвало неискреннее разочарование у всех присутствующих. Было заметно, что в бой пока никто не рвется, а все с удовольствием отдыхают на палубе после приключений последних дней. Даже азартная Лари с откровенным удовольствием предавалась ничегонеделанью и Машу подкалывала лениво и беззлобно. Гномы босиком и в одних портках сидели на палубе, скрестив ноги по-восточному, и очищали от смазки какие-то детали судового дизеля, разложив их на куске брезента. Маша лежала на спине, закинув босые ноги на планшир, и просто рассматривала медленно плывущие над нами облака, и опять что-то жевала. Бутерброд, кажется.

Признаться, я и сам не слишком рвался в битву. Лимит приключений на год я исчерпал за последние дня три с избытком. Другое дело, что, как говорят в народе, назвался груздем – так не... не болтай много, в общем, а я таковым груздем назвался, когда обрадовался сумме награды, объявленной за Пантелееву голову. Но, в общем, и сам нечаянному отдыху был рад, и остаток дня провел лениво и бездельно. А телеграмма от Вяльцева пришла с разрешением на временную экспроприацию баржи «до выяснения степени участия официального владельца в антигосударственных действиях, направленных на подрыв устоев...» и так далее, в общем. Я подумал да и плюнул на ночной выход на реку. Все равно уже поздно, гномы с дизелем возьмется, дамы вообще разбалделись, короче – завтра. Все завтра. Это у нас типа устремленность в будущее. Тем более что гнать нас отсюда никто не собирается. Даже пост сняли у пирса и пригласили ужинать в гарнизонную столовую, от чего мы, впрочем, вежливо отказались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.